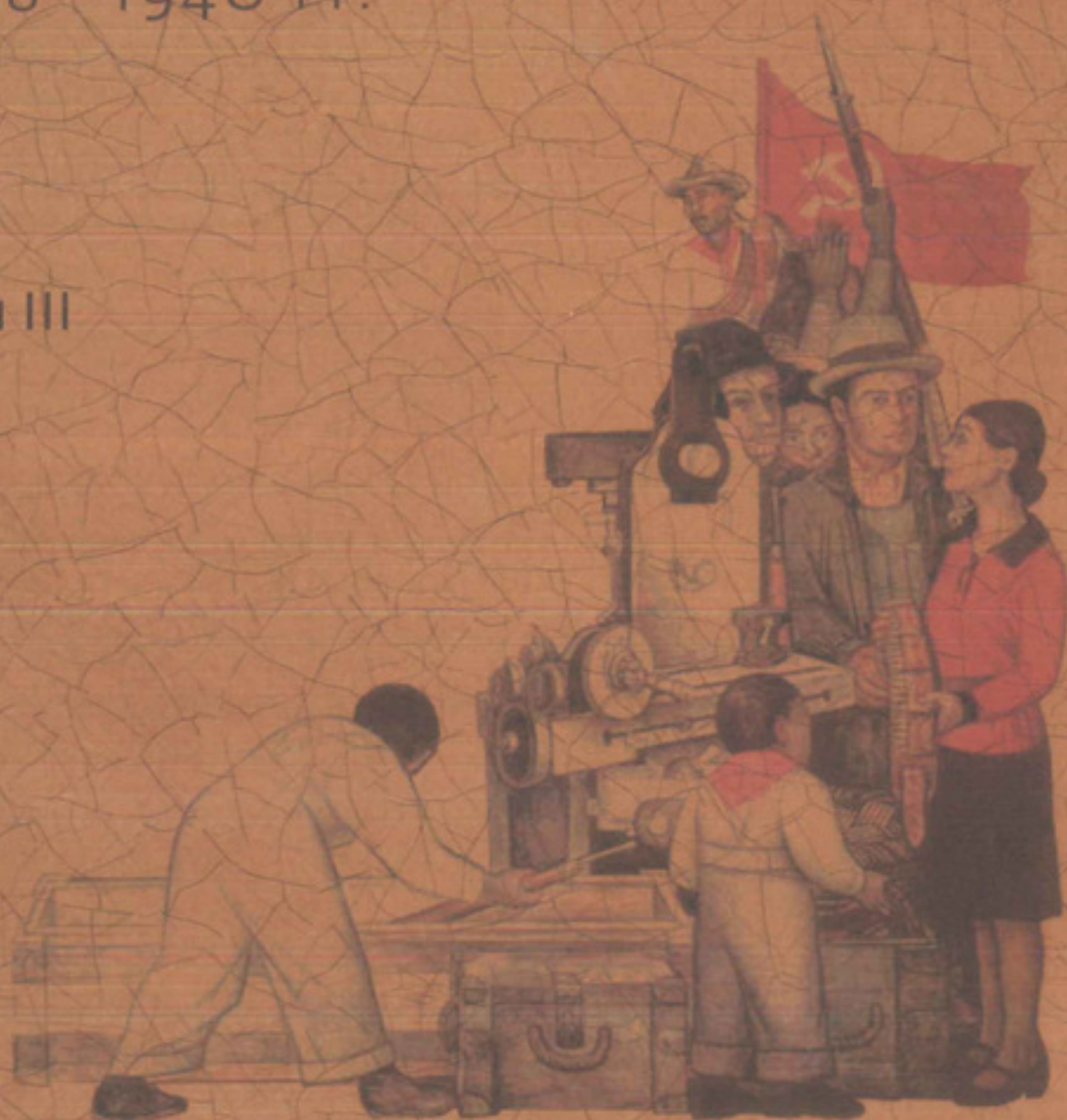

Н. Н. Платошкин

История Мексиканской революции

Время радикальных реформ
1928—1940 гг.

том III

Университет Дмитрия Пожарского

Николай Платошкин

**История Мексиканской
революции. Том III.
Время радикальных
реформ. 1928–1940 гг.**

«Русский фонд содействия образованию и науке»

2011

Платошкин Н. Н.

История Мексиканской революции. Том III. Время радикальных реформ. 1928–1940 гг. / Н. Н. Платошкин — «Русский фонд содействия образованию и науке», 2011

ISBN 978-5-91244-036-6

Период 1928–1940 годов находится в центре внимания последнего тома трилогии автора, посвящённой мексиканской революции XX века. Мексика, как и СССР, предпринимает рывок в сторону резкого ускорения экономического развития страны и создания собственной индустриальной базы. То же самое происходило в то время в Советском Союзе. И в Мексике, и в СССР ставка была сделана на радикализацию революционного процесса: на аграрную реформу и создание мощной национальной промышленности. Правительство президента Мексики Ласаро Карденаса проводило глубокие реформы под лозунгом выполнения обещаний революции и с учетом опыта советских преобразований. Именно поэтому изучение этого периода мексиканской истории – пика революции – представляет несомненный интерес для российского читателя. В результате событий 30-х годов были созданы политические системы, которые просуществовали в Мексике до 2000 года, в СССР – до 1991 года. Итог революционной модернизации 30-х годов в Мексике и СССР был различным. Книга пытается дать ответ на главный вопрос – почему так произошло?

ISBN 978-5-91244-036-6

© Платошкин Н. Н., 2011
© Русский фонд содействия
образованию и науке, 2011

Содержание

Предисловие	6
Глава 1. Кризис 1928–1929 годов	8
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Николай Платошкин
История Мексиканской революции. Время
радикальных реформ. 1928–1940 гг. Том 3

© Платошкин Н. Н., 2011

© Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2011

Предисловие

Настоящий том книги посвящен самым радикальным преобразованиям в истории Мексики, которые ознаменовали одновременно пик и конец мексиканской революции, начавшейся в 1910 году.

Речь идет о правлении президента Ласаро Карденаса и предшествовавшем этому периоду, времени так называемого максимата, когда судьбы Мексики находились в руках Плутарко Кальеса.

Почти двадцать лет с начала революции мексиканские рабочие и крестьяне ждали удовлетворения своих сокровенных чаяний – земли, бесплатного образования и достойных условий труда. Но только после прихода к власти Карденаса в 1934 году эти мечты смогли осуществиться, хотя и далеко не полностью. К сожалению, довольно радикальные реформы 30-х годов держались в Мексике на воле одного человека, и после того, как согласно Конституции Карденас покинул свой пост в 1940 году, в стране наступили совсем другие, уже не революционные, а эволюционные времена.

До сих пор Ласаро Карденас остается главным героем мексиканской истории, личностью, о которой спорят и по сей день. Оценки его деятельности полярны: кто-то считает его коммунистом, кто-то – чуть не сторонником фашизма.

В отечественной историографии есть всего одна, зато прекрасная и не потерявшая своей актуальности работа по истории Мексики 30-х годов – фундаментальный труд А. Ф. Шульговского «Мексика на крутом повороте своей истории» (М., 1967). Именно Шульговский ввел в научный оборот термин «революционный каудильизм» для описания механизма политической власти в Мексике в 20-е – 30-е годы. Этот термин прижился и во многих зарубежных, в том числе мексиканских исследованиях.

Думается, что для российского читателя особый интерес представляет схожесть исторических судеб Советского Союза и Мексики в 30-е годы. Обе страны считали себя революционными, обе стремились совершить мощный рывок в социально-экономическом развитии. Подход СССР был гораздо радикальнее, сопровождался серьезными лишениями для населения страны, но результат был достигнут блестящий – примерно за 10 лет аграрная и отсталая Россия превратилась в мощное индустриальное государство, с которым приходилось считаться всем державам того времени. Без трудного успеха 30-х годов СССР не смог бы противостоять сильнейшей армии гитлеровской Германии, на которую работала экономика почти всей Европы. Но Советский Союз не только выстоял, но и победил, доказав, что выбор пути в 20-е – 30-е годы был верным.

Мексика при Карденасе тоже пыталась идти к социализму, но постепенно, включая «островки» социалистического образа жизни (школа и кооперативы) в море капиталистической экономики. Этот путь был обречен – симбиоз двух противоположных по целям общественных систем пока еще не удалось построить ни в одной стране на планете Земля. Попытки Карденаса апеллировать к совести предпринимателей, к их патриотизму не увенчались успехом – и не могли им увенчаться. Если целью человека является максимальное извлечение прибыли, то ему нет никакого дела до целей общества. Сограждане воспринимаются такими людьми только как объект для наращивания за их счет собственного благополучия. У автора нет сомнения, что Карденас это понимал. Но пойти на окончательный разрыв с имущими классами он не сумел, в чем и заключалась известная ограниченность реформ этого безусловно честного и достойного человека. Человека, который умел чувствовать несчастье других людей как свое собственное.

Однако при всех неудачах Карденаса Мексика всегда будет воспринимать его как национального героя, как символ нации, как пример беззаветного служения трудящимся классам – тем, кто своими руками и головой создает то, что мы именуем прогрессом. Такие люди, как

Карденас, – соль земли, и автор надеется, что у читателей сложится схожее мнение после знакомства с жизнью этого человека.

Глава 1. Кризис 1928–1929 годов

Убийство Обрегона 17 июля 1928 года коренным образом поменяло расклад политических сил в Мексике и ввергло страну в опасный кризис.

В своей предвыборной борьбе Обрегон опирался на Национальную аграристскую партию во главе с Сото-и-Гамой и Аурелио Манрике. Естественно, Обрегона поддерживали также большинство армейских генералов и многие губернаторы штатов. Компартия Мексики тоже рекомендовала своим членам и сочувствующим поддержать Обрегона как представителя национальной буржуазии. Действующего президента Кальеса коммунисты примерно с 1927 года однозначно относили к марионеткам США.

Главным противником Обрегона во время предвыборной борьбы были КРОМ во главе с Моронесом и представляющая политические интересы КРОМ Лабористская партия.

Сначала лабористы в Конгрессе безуспешно пытались не допустить принятия поправки к Конституции, которая дала бы Обрегону возможность баллотироваться на второй срок¹. Poleмика между Моронесом и Обрегоном достигла наивысшего начала в мае 1928 года, когда первый пообещал вывести свой профцентр на баррикады в случае победы последнего. Обрегон, как мы помним, не жалел, в свою очередь, самых презрительных эпитетов в адрес Моронеса, обвиняя лидера КРОМ в коррупции и моральном разложении.

Неудивительно, что после убийства Обрегона многие газеты и общественность Мексики приписали КРОМ и лично Моронесу «интеллектуальное авторство» убийства.

Но пикантность ситуации состояла в том, что Моронес был еще и министром промышленности в кабинете президента Кальеса, причем считался близким другом последнего. Кроме того, сам Кальес в 1923 году был выдвинут на пост президента именно Лабористской партией. Естественно, возбужденные люди на улицах мексиканских городов и сел открыто обвиняли Кальеса в том, что он стоит за убийством Обрегона. В Мексике прекрасно помнили, что в 1923 году отдельные депутаты Конгресса обвинили Кальеса в убийстве Панчо Вильи. Мнение улицы и сейчас разделяли многие депутаты², а также некоторые генералы. В воздухе носились все более сгущавшиеся слухи о предстоящем военном мятеже против Кальеса.

Действительно, многие офицеры-обрегонисты, узнав о покушении, перестали ночевать дома, опасаясь, что Кальес прикажет их расстрелять. Через два дня после покушения Рикардо Топете, глава Националистического обрегонистского блока, куда входили партии, поддержавшие Обрегона на выборах, предложил своему брату, генералу Фаусто Топете, только что избранному на пост губернатора штат Сонора, немедленно начать вооруженное восстание против Кальеса в столице Мексики, где можно было рассчитывать на помощь некоторых военных частей³. Брат в принципе не возражал, но предлагал начать вооруженное выступление не в Мехико, а в северных штатах.

Узнав о покушении на Обрегона, несколько групп обрегонистов, вооруженных пулеметами, по всей столице искали Моронеса, чтобы убить его на месте. Поиски оказались безуспешными только потому, что Кальес приказал Моронесу и его соратникам укрыться в подвале одного из военных заводов.

В этой непростой для себя обстановке Кальес полностью проявил основные черты своего характера: решительность, твердость, бескомпромиссность и трезвый политический расчет. Он немедленно собрал 30 наиболее влиятельных генералов мексиканской армии и заверил их,

¹ Соколов А. А. Рабочее движение Мексики (1917–1929). М., Издательство МГУ, 1978. С. 213.

² В Конгрессе Мексики в июле 1928 года большинство депутатов причисляли себя к обрегонистам и были настроены решительно против Кальеса.

³ Medin T. El minimato presidencial: historia politica del Maximato 1928–1935. Mexico, 1982. P. 30.

что будет советоваться с армией при выборе нового кандидата в президенты⁴. Одновременно Кальес предложил, чтобы будущим президентом стал гражданский политик. Конечно, он не обманывался на тот счет, что мятежа удастся избежать совсем, однако теперь был уверен, что не все генералы примут участие в путче.

Разобшив армейскую верхушку, президент решил поступить точно так же с политическими лидерами обрегонистского движения. Кальес прекрасно понимал, что ни один из соратников Обрегона даже отдаленно не может сравниться с убитым вождем по влиянию на умы населения. Поэтому здесь для президента главным было успокоить общественное мнение, для чего он решил пожертвовать Моронесом.

17 июля 1928 года, в день убийства своего вождя, в Мехико на совещание собрались самые видные обрегонисты: губернатор штата Нуэво-Леон Аарон Саенс, губернатор штата Тамаулипас Эмилио Портес Хиль, политики Марте Гомес и Луис Леон, генерал Антонио Риос Зертуче.⁵ По воспоминаниям Портеса Хиля, группа решила обсудить с Кальесом сложившуюся ситуацию⁶.

Президент встретил обрегонистов в компании генерала Франсиско Мансо и был настроен не очень приветливо. Портес Хиль от имени всей группы констатировал наличие в стране серьезного кризиса. Лично он, дескать, не верит, что Моронес и «его группа» стоят за покушением на Обрегона, но не считаться с настроенным иначе общественным мнением тоже нельзя. Поэтому следует немедленно заменить генерального инспектора полиции⁷, который будет вести расследование событий 17 июля. В беспристрастность нынешнего шефа полиции генерала Роберто Круса никто не верит. Кальес был неприятно поражен таким требованием: По его личному указанию Крус еще осенью 1927 года проводил расстрелы без суда участников так называемого путча генералов Гомеса и Серрано. Этот человек, отвечавший за правопорядок в столице, был безоговорочно предан Кальесу.

Не скрывая раздражения, Кальес спросил, почему, собственно, Крусу нельзя доверять. В ответ Портес Хиль прямо сказал, что Крус «не был другом сеньора генерала Обрегона в последние месяцы»⁸ и в ходе предвыборной кампании проявил себя как противник Обрегона. Президенту пришлось спросить, кого обрегонисты предлагают на пост шефа полиции. В ответ была названа кандидатура генерала Зертуче⁹. Кальес согласился, чем выбил из рук сторонников Обрегона главный козырь: правительство якобы мешает следствию и скрывает неудобные для него факты.

Зертуче немедленно отправился на место покушения, чтобы сохранить все улики. Репортерам и взволнованным гражданам, осаждавшим ресторан «Ла Бомбия», он посоветовал успокоиться. В штаб-квартире полиции фактически обосновались лидеры аграристов Сото-и-Гама и Аурелио Манрике, которые ждали хотя бы малейшего факта, подтверждавшего их версию о причастности Кальеса и Моронеса к смерти Обрегона.

Однако после разговора с убийцей Зертуче быстро объявил мексиканской и иностранной прессе официальную версию следствия: «Генеральная инспекция полиции, в настоящее время находящаяся под моим управлением... официально заявляет, что ответственным за преступ-

⁴ Krauze E. Plutarco Calles. Reformar desde el origen. 1992. P. 87.

⁵ Генерал Зертуче (р. 1894), уроженец родного штата бывшего президента Каррансы Коауилы, с 1914 года воевал в конституционалистской армии и принял участие в 130 боях. Был инспектором кавалерии, командующим 7-м военным округом с центром в Монтеррее. Camp R. A. Mexican political Biographies. University of Texas Press, 1995. P. 592. Марте Гомес был уроженцем штата Тамаулипас, инженером. Считался одним из самых активных сторонников аграрной реформы в стране.

⁶ Книга Портеса Хиля Autobiografia de la Revolucion Mexicana цитируется здесь и далее по сайту www.antorcha.net/.../autobiografia/bibliografia.html

⁷ Так в Мексике именовали шефа всей полиции страны.

⁸ Portes Gil E. Autobiografia de la Revolucion Mexicana // www.antorcha.net/.../autobiografia/bibliografia.html

⁹ Portes Gil E. Autobiografia de la Revolucion Mexicana // www.antorcha.net/.../autobiografia/bibliografia.html

ление является римско-католический клир»¹⁰. Эту версию в своем собственном официальном заявлении немедленно подхватил и Кальес: «Преступник полностью сознался, что его акция была мотивирована религиозным фанатизмом. Больше того, власти нашли еще больше сведений, подтверждающих прямое участие клерикалов в этом преступлении»¹¹.

Такую версию косвенно подтверждало и неуклюжее заявление главы мексиканского епископата архиепископа Леопольдо Руиса-и-Флореса, находившегося в эмиграции: «К сожалению, более чем естественно, что избранный президент погиб от насилия. Он вызвал смерть стольких людей, что рано или поздно друзья тех, чью кровь он пролил, убили бы его». Примечательно, что официальный печатный орган Ватикана «Оссерваторе Романо» с версией архиепископа не согласился: «В дополнение к преследованиям, которым подвергаются сейчас мексиканские католики, добавляется еще и оскорбительное утверждение, приписывающее им преступление, которого они не совершали, так же как и в первые столетия существования Церкви Нерон, который хотел предать христиан смерти, приписал им поджог Рима»¹².

Интересно, что сожаление по поводу смерти Обрегона выразил некогда ближайший его друг, живший тогда в эмиграции США бывший временный президент Мексики Адольфо де ла Уэрта. Правда, мотивация этого сожаления отнюдь не была преисполнена сочувствием к самому Обрегону. Смерть этого человека, по мнению де ла Уэрты, не дала возможности привлечь его к ответственности за совершенные преступления.

Тем не менее иностранные, прежде всего американские СМИ благожелательно комментировали следствие. Они отмечали, что обвиняемого не пытаются, его даже показали журналистам через три дня после покушения. В прессе нет цензуры, уличным митингам никто не препятствует. Приятно удивило американцев и то, что убийцу будет судить гражданский суд: в США прекрасно помнили, как еще осенью 1927 года без всякого разбирательства были расстреляны десятки участников так называемого мятежа генералов Гомеса и Серрано. Характерно, что американские СМИ приписывали такое «благоприятное» развитие событий в Мексике положительному влиянию посла США в Мехико Морроу на президента Кальеса.

Морроу действительно убеждал Кальеса подготовить максимально открытый судебный процесс над убийцей Обрегона, чтобы Мексика выглядела в мировом общественном мнении цивилизованной страной¹³.

Однако если Кальес и выиграл время, передав следствие в руки обрегонистов, его политическое положение продолжало оставаться весьма шатким. В резиденцию президента почти никто не приходил, что ясно сигнализировало: политический истеблишмент ждет отставки главы государства.

27 июля 1928 года к Кальесу пришли Портес Хиль, Марте Гомес и Луис Леон. Вежливо, но твердо они потребовали отставки Моронеса и прочих недругов Обрегона в правительстве¹⁴, чтобы спасти самого Кальеса от «сползания в бездну». Поначалу Кальес был тверд и по-своему логичен: если он уберет Моронеса из кабинета, то только подтвердит этим его причастность к убийству Обрегона, а для этого у следствия пока нет никаких оснований. К тому же Моронес его друг, а он друзей в беде не бросает. Однако, сославшись на «мнение улицы» и на то, что сами друзья президента не сообщают ему истинных настроений в стране, делегации обрегонистов удалось убедить Кальеса, у которого, кстати, уже имелось заявление Моронеса об отставке.

¹⁰ Time, 30.07.1928.

¹¹ Time, 30.07.1928.

¹² Time, 30.07.1928.

¹³ Spencer D. The impossible Triangle. Mexico, Soviet Russia and the United States in the 1920s. Duke University Press, 1999. P. 144.

¹⁴ К таковым обрегонисты причисляли консервативного министра финансов Монтеса де Ока (большого друга посла Морроу) и радикального министра образования Пуига Касауранка (большого друга лидера мексиканской компартии художника Диего Риверы, хотя Ривера дружил и с самим Обрегоном).

Кроме Моронеса в отставку с государственных постов подали его ближайшие соратники по «группе действия» КРОМ Гаска и Монеда. Публично этот шаг был мотивирован «самопожертвованием» во имя сохранения единства «революционной семьи»¹⁵.

Поражает объяснение Кальеса того факта, что он как президент разрешал членам кабинета министров, особенно Моронесу и заместителю министра обороны генералу Мигелю Пинье во время предвыборной кампании выступать с нападками на Обрегону. Он якобы таким образом хотел дать понять общественности, что кандидатура Обрегону не навязывается правительством. Однако с такой аргументацией плохо вяжутся слова тогдашнего министра промышленности и торговли Моронеса: КРОМ не допустит Обрегону до президентского кресла.

Неудивительно, что обрегонисты продолжали считать Кальеса причастным к убийству их лидера. Особенно усердствовали в этом отношении лидеры аграристской партии, депутаты Конгресса Сото-и-Гама и Манрике, который обвинял Кальеса у трупа Обрегону в присутствии самого президента. В конце июля 1928 года в Мехико состоялась встреча видных обрегонистов, среди которых были губернаторы Синалоа и Соноры, а также глава военного командования в Соноре генерал Франсиско Мансо. Собравшиеся решили предъявить Кальесу прямой ультиматум с требованием уйти в отставку. Портесу Хиль удалось убедить обрегонистов в том, что лучше пока добиться от Кальеса отставки наиболее враждебно настроенных по отношению к Обрегону членов правительства, что и было сделано на описанной выше встрече Портеса Хиль с Кальесом.

Однако Портес Хиль не обманывался насчет истинных настроений ближайших соратников Обрегону: Манрике и Сото-и-Гама были непримиримыми противниками президента. В тот период именно эти два человека считались выразителями интересов обрегонистского лагеря. Отсюда вытекало, что мятеж обрегонистов против Кальеса – лишь вопрос времени.

Кальес и здесь обыграл своих оппонентов. 18 августа 1928 года он назначил министром внутренних дел (фактически вторым человеком в правительстве после самого президента) губернатора Тамаулипаса Портеса Хиль, считавшегося не только истинным обрегонистом, но и непримиримым противником КРОМ. Теперь лагерь обрегонистов оказался расколотым: им пришлось бы идти на путч против своего собственного сторонника в кресле министра внутренних дел.

Кальесу удалось обмануть даже американскую разведку: военный атташе посольства США в Мехико полагал, что в правительстве теперь тон будут задавать радикалы-обрегонисты. Американцы отмечали, что один из новых министров Луис Леон был в Советской России в 1921 году (что уже наводило военную разведку США на неприятные подозрения), а Аурелио Манрике они характеризовали как «театрального большевика»¹⁶.

Таким образом, в июле – августе 1928 года Кальес в полной мере проявил свое недюжинное политическое мастерство. Ему удалось не только остаться у власти, но и расколоть лагерь своих противников. Теперь президент фактически превращался в арбитра споров между различными политическими группами страны. Правда, этот успех объяснялся еще и тем, что после убийства Обрегону в стране просто не было другого политического деятеля, который мог бы сравниться с Кальесом по влиянию в стране.

Точно к таким же выводам пришел советский полпред в Мексике Макар, когда сообщал в Москву о политической обстановке в Мексике в июле-августе. Макар писал о разрозненности обрегонистского лагеря, в который входят «официальная» аграристская партия, «часть бюрократической машины, местные почти самостоятельные «князьки», то есть губернаторы, и небольшая часть военной верхушки. Все эти силы, объединенные Обрегону, вряд

¹⁵ Соколов А. А. Рабочее движение Мексики (1917–1929). М., Издательство МГУ, 1978. С. 217.

¹⁶ Spencer D. The impossible Triangle. Mexico, Soviet Russia and the United States in the 1920s. Duke University Press, 1999. P. 144.

ли могут остаться едиными после смерти вождя; но их может еще на некоторое время объединить общий враг, лидер рабочего реформистского движения Моронес»¹⁷. Именно этого общего врага Кальес и убрал, лишив обрегонистов общего знаменателя. К тому же Национальная крестьянская лига, которая руководилась коммунистами и была отнюдь не менее влиятельной, чем аграристская партия, «в специальном воззвании отмежевываясь от агрессивных намерений аграристской партии, направленных против КРОМа, настаивая только на смене лидеров КРОМа».

Макар совершенно верно отмечал: «Кальес пожертвовал Моронесом и другими (которые подали в отставку, как только обрегонисты официально бросили им ответственность в моральном соучастии), в значительной мере уменьшил возможность дальнейшего наступления обрегонистов на КРОМ. То, что, может быть, удалось бы Обрегону (разгром организации КРОМа), конечно, не удастся его наследникам. Да Кальес теперь, когда нет Обрегона, никогда и не допустит этого. А он теперь в стране единственная моральная и физическая сила (армия в общем и целом в его руках, Обрегон не успел еще сделать необходимую ему перестановку). Лавируя между обрегонистами и КРОМом, сделав некоторую уступку первым (отставка Моронеса и других, назначение нового начальника полиции – обрегониста и прочее) без больших жертв со стороны КРОМа, Кальесу удалось занять среднюю линию поведения, обеспечивающую ему несомненный успех. Если бы обрегонисты теперь, когда волна возмущения значительно остыла, вздумали предъявить Кальесу неприемлемые для него требования, они натолкнулись бы на непреодолимое сопротивление: вызвать гражданскую войну им, вероятно, не удалось бы, несмотря на то влияние, которое они имеют в правой крестьянской партии»¹⁸. Под «правой крестьянской партией» полпред имел в виду аграристов.

Этот блестящий анализ не оправдался только в одном аспекте – позже выяснилось, что Кальес готов пожертвовать не только Моронесом и его окружением, но и КРОМом как таковым. Однако в августе 1928 года президент еще считал, что КРОМ как базу его личного влияния можно сохранить.

В августе начала распадаться объединенная Обрегоном разношерстная коалиция политических сил. 3 августа 1928 года Аарон Саенс распустил Национальный директивный центр обрегонистов, который отвечал за предвыборную кампанию Обрегона и был своего рода ставкой соратников убитого «каудильо». Саенс мотивировал свой шаг тем, что у центра более нет никаких задач¹⁹. На самом деле он просто хотел лишиться инструмента политического влияния Сото-и-Гаму и Манрике, которые считали себя идейными наследниками Обрегона и непримиримыми противниками Кальеса. А вот Саенс уже был не прочь договориться с президентом.

1 сентября 1928 года президент Кальес должен был выступить со своим последним посланием к Конгрессу (срок его полномочий истек 1 декабря). Выступление президента произвело сенсацию. К удивлению многих, Кальес заявил, что трагическая смерть Обрегона имеет для Мексики и позитивное значение. Умер последний вождь-«каудильо», власть которого держалась не на законах, а на личном влиянии. Другого такого вождя в стране не осталось. Поэтому у Мексики появляется уникальная возможность стать страной, где главенствуют не личности, а закон. Кальес подчеркнул, что мог бы, «если бы... совесть не запрещала» ему, «под маской желанья содействовать общественному благу продолжать исполнять обязанности» президента²⁰. Однако теперь он торжественно заявляет, что никогда больше не займет президентское кресло.

Вторая часть речи Кальеса была не менее сенсационной. Впервые с момента триумфа революции в 1917 году он, видный революционер, предложил, чтобы побежденная «реак-

¹⁷ Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 192, д. 226, л. 30–31.

¹⁸ Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 191, д. 211, л. 31.

¹⁹ Díaz R. L. La crisis Obregón-Calles y el estado mexicano. Mexico, Siglo XXI, 1980. P. 106.

²⁰ Krauze E. Mexico. Biography of Power. A History of Modern Mexico, 1810–1996. New York, 1997. P. 427.

ция» (сторонники Порфирио Диаса и католическая церковь) получили представительство в Конгрессе страны, став своего рода легальной оппозицией. Присутствие реакционеров в обеих палатах парламента «не представляет опасности для гегемонии Революции, которая уже триумфально победила, завоевав сознание общественности, и может открыть себя для конкуренции, которая в конечном итоге принесет благо всей нации»²¹.

Фактически своей речью Кальес объявил о завершении революции и переходе Мексики на путь поступательного эволюционного развития. Нет сомнения, что по крайней мере вторая часть выступления была если не инспирирована послом США Морроу, то согласована с ним. После выступления президента Морроу, в нарушение принятого дипломатического этикета, открыто аплодировал. В ходе длительных бесед в 1927–1928 годах послу США удалось убедить Кальеса, что все социально-экономические преобразования, прежде всего аграрная реформа, вносят в экономику Мексики только сумбур и не дают стране активно развиваться.

Однако в этом аспекте с Кальесом и Морроу не соглашались подавляющее большинство мексиканцев. Да, страна жаждала внутреннего мира, но основная часть ее населения, рабочие и крестьяне еще более страстно желали, чтобы революция наконец удовлетворила их многолетние чаяния – право на землю и достойные условия труда. Все это декларировала революционная Конституция 1917 года, однако в реальной жизни, как мы видели, эта Конституция применялась еще очень мало.

²¹ Krauze E. Mexico. Biography of Power. A History of Modern Mexico, 1810–1996. New York, 1997. P. 427.

Эмилио Портес Хиль, президент Мексики в 1929–1930 годах

5 сентября 1928 года Кальес собрал ведущих генералов, прибывших в столицу для того, чтобы прослушать его послание Конгрессу. От Портеса Хиль он наверняка уже знал, что генералы собираются предъявить ему ультиматум и готовы к открытому мятежу. Не теряя присутствия духа, президент ясно дал понять, что выдвижение любым из генералов своей кандида-

туры на предстоящих внеочередных президентских выборах приведет к гражданской войне²². Поэтому президентом должно стать авторитетное гражданское лицо. Тогда два генерала, бывший шеф полиции Роберто Крус и Хесус Агирре предложили на пост временного президента Портеса Хиль, известного обрегониста. Кальес видел на этом посту губернатора Коауилы Мануэля Переса Тревиньо, но возражать не стал.

В целом же собравшиеся военные постановили, по предложению генерала Альмасана, что проблему наследования президентской власти надо поручить решить самому Кальесу. Нейтралитет армии на данный момент был обеспечен.

Еще 19 июля 1928 года кандидатуру Портеса Хиль в качестве временного президента предложили Кальесу лидеры аграристской партии Сото-и-Гама и Манрике. Они, правда, требовали от Портеса Хиль порвать все контакты с Кальесом. Но Портес Хиль, юрист по образованию, отвечал, что не сделает этого, пока не появятся четкие улики, подтверждающие причастность Кальеса к убийству Обрегона.

Эмилио Портес Хиль родился 3 октября 1890 года в штате Тамаулипас. Получив юридическое образование в Мехико, Портес Хиль в 1915 году стал адвокатом. Еще до этого, в декабре 1914 года он прибыл в Веракрус и предоставил себя в распоряжение Каррансы, который в тот момент, казалось, вот-вот проиграет гражданскую войну против Вильи и Сапаты. Карранса, никогда не доверявший военным и, наоборот, всячески выдвигавший молодых образованных гражданских политиков, назначил адвоката заместителем начальника Департамента военной юстиции. Затем Портес Хиль занимал ряд постов в судебной системе. Работая в 1917 году официальным юрисконсультom Военного министерства, он близко сошелся с тогдашним главой этого ведомства Альваро Обрегоном.

Неудивительно, что Портес Хиль поддержал мятеж Обрегона в 1920 году и стал в результате временным губернатором своего родного штата Тамаулипас. Затем, будучи депутатом Конгресса, Портес Хиль сделался одним из лидеров Национальной кооперативистской партии. Однако когда партия в 1923 году поддержала кандидатуру де ла Уэрты на президентских выборах, Портес Хиль перешел на сторону соперника де ла Уэрты и ставленника Обрегона Кальеса, чего тот, естественно, не забыл. В качестве награды Портес Хиль в 1925 году стал постоянным губернатором Тамаулипаса, где его и застало известие о смерти Обрегона²³.

Следует отметить, что Портес Хиль по мексиканским меркам был прогрессивным губернатором. Он активно проводил аграрную реформу²⁴ и покровительствовал рабочим организациям, с одним, правда, исключением – был ярким противником КРОМ. Интересно, что владельцы первой же асиенды, у которой губернатор Портес Хиль отобрал 426 гектаров для распределения среди крестьянских общин, в свое время финансово поддерживали его учебу в Мехико.

Портес Хиль всячески содействовал деятельности в Тамаулипасе Национальной крестьянской лиги, во главе которой стоял член мексиканской компартии Урсуло Гальван²⁵. Причем и Портес Хиль, и Марте Гомес, в отличие от федерального правительства Кальеса, делали ставку не на частного мелкого собственника, а на общинное, коллективное землевладение в рамках «эхидо». За время своего губернаторства (1925–1928 годы) Портес Хиль передал крестьянам на временной основе 57 706 га земли (по закону губернатор мог принять решение только о временной передаче, окончательную передачу утверждала федеральная Национальная аграрная комиссия в Мехико) и 5359 га – в постоянное владение.

²² Medin T. El minimato presidencial: historia politica del Maximato 1928–1935. Mexico, 1982. P. 36.

²³ См. биографию Портеса Хиль на сайте www.memoriapoliticademexico.org

²⁴ За проведение аграрной реформы в штате отвечал тогда Марте Гомес, который считал себя марксистом.

²⁵ Хотя советский полпред Макар справедливо отмечал, что связь Национальной крестьянской лиги с компартией ненадежна, и ее нельзя считать коммунистической организацией.

У Портеса Хилья не было ни военного опыта, ни влияния в армии, хотя он и имел военный чин еще с 1914 года. Как и многие губернаторы штатов в то время, Портес Хиль создал собственную региональную партию – Социалистическую приграничную партию²⁶. Она оказалась первой в истории Мексики, куда принимали и женщин, достигших 18-летнего возраста. На тот момент это была самая прогрессивная и радикальная массовая партия в стране наряду с Социалистической партией Юго-Востока в Юкатане.

В апреле 1924 года Портес Хиль предложил создать объединение региональных партий Мексики, чтобы судьбы штатов в столице не решали без их участия.

В 32 года он случайно встретил на железнодорожной станции молоденькую девушку из штата Нуэво-Леон. Кармен Гарсиа Гонсалес было всего 17 лет, и она приезжала в Тамаулипас навестить свою сестру. Портес Хиль активно взялся ухаживать за красавицей и довольно быстро получил согласие на брак. В 1928 году 23-летняя Кармен Гарсиа Гонсалес стала первой леди Мексики.

Советский полпред Макар в августе 1928 года называл среди кандидатов в президенты Аарона Саенса, формально возглавлявшего предвыборный штаб Обрегона, губернатора Веракруса Техеда – «от левых крестьян и части рабочих... Над всеми ними пока все еще стоит признанный всеми «организациями революции» нынешний президент Плутарко Элиас Кальес. Останется ли он президентом на ближайшие два года (в качестве временного назначенного) или уступит эти два года другому кандидату с тем, чтобы в 1930 году быть выбранным на 6 лет – во всяком случае, это будет определять Кальес и его приверженцы»²⁷.

После того как Сото-и-Гама и Манрике стали активно продвигать кандидатуру Портеса Хилья на пост временного президента, Техеда, пользовавшийся среди крестьян не меньшим авторитетом, чем Портес Хиль, снял в его пользу свою кандидатуру. 25 сентября 1928 года Конгресс единогласно избрал временным президентом страны Эмилио Портеса Хилья²⁸. Правда, лидеры аграристов Сото-и-Гама и Манрике покинули зал заседаний в момент голосования и тем самым оказались единственными депутатами, кто не поддержал нового президента. Таким образом они выразили Портесу Хилью свое недовольство тем, что он отказался убрать Кальеса из политической жизни страны.

В целом избрание Портеса Хилья на пост временного президента было обусловлено тем обстоятельством, что он оказался единственным обрегонистом, который поддерживал с Кальесом тесные отношения. Однако он считался независимым от Кальеса, поскольку никогда не входил в его правительство²⁹. К тому же Портес Хиль был ярким врагом КРОМ.

Еще на посту министра внутренних дел Портес Хиль потребовал от Кальеса прекратить ненужные преследования священников со стороны властей, если те не нарушают закон. Став министром, он убедился, что военные и полицейские проводят активные аресты сторонников «кристерос», а потом вымогают с них деньги за прекращение уголовного дела. В тюрьмах страны широко практиковались пытки, с помощью которых от арестованных добывались любого признания. Кальес не возражал, заметив, что «устал» от действий своих подчиненных, извращающих смысл законов, касающихся взаимоотношений государства и церкви³⁰.

При вступлении в должность Портес Хиль обещал организовать президентские выборы 1929 года так, чтобы исключить всякое вмешательство в них органов государственной власти. В своей деятельности президент обещал руководствоваться «высокими идеалами равенства и социальной справедливости».

²⁶ Arena S. Z. Aspectos socioeconómicos de la problemática en México. México, 2003. P. 249.

²⁷ Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 191, д. 211, л. 32.

²⁸ Очерки новой и новейшей истории Мексики. М., 1960. С. 366.

²⁹ Díaz R. L. La crisis Obregón-Calles y el estado mexicano. México, Siglo XXI, 1980. P. 113.

³⁰ Portes Gil E. Autobiografía de la Revolución Mexicana // www.antorcha.net/.../autobiografia/bibliografia.html

Уже через несколько дней после вступления в должность президента Портес Хиль дал понять Кальесу, что не собирается быть марионеткой в его руках. Новый президент узнал, что министр финансов Монте де Ока, который поддерживал тесные связи с послом США Морроу, предложил впервые с момента победы революции заложить в бюджет на 1929 год 10 миллионов песо для выплаты компенсации помещикам и иностранцам, потерявшим землю в ходе аграрной реформы. Несомненно, это предложение было согласовано с Кальесом, который до 1 декабря 1928 года все еще оставался президентом. Как юрист Портес Хиль заявил Кальесу, что ни Конституция республики, ни закон об аграрной реформе от 6 января 1915 года не обязывают государство выплачивать такую компенсацию. К тому же земель уже конфисковано столько, что никаких 10 миллионов песо для компенсаций не хватит³¹. Кальес возражал, считая, что надо прекратить распределение земли, так как это вносит «беспорядок» в экономику Мексики³². Однако его не мог не убедить следующий аргумент Портеса Хиль: военный мятеж все равно неминуем, и только вооруженные крестьяне смогут, как и в 1923 году во время мятежа де ла Уэрты, противостоять регулярной армии путчистов. Но если прекратить аграрную реформу, то на вооруженную поддержку крестьян рассчитывать не приходится. Однако Кальес продолжал упираться и сдался только тогда, когда Портес Хиль пригрозил отказаться от поста временного президента.

Но разногласия Портеса Хиль и Кальеса отнюдь не носили антагонистического характера, что и показали состав правительства и программа нового президента. 30 ноября 1928 года Портес Хиль принес присягу в качестве временного президента и впервые в истории Мексики выступил с программой своего правительства. Он подчеркнул, что имеет честь «принадлежать к радикальной группе» политического спектра и к партии, которая проповедует самые передовые принципы, но страна находится в такой ситуации, в которой главной задачей кабинета является продолжение политики президентов Обрегона и Кальеса³³. «Священной хартией» мексиканской революции Портес Хиль назвал статьи 27 и 123 Конституции (содержавшие принципы аграрной реформы и трудового законодательства).

Портес Хиль похвалил Кальеса и Морроу за их работу по налаживанию хороших отношений между Мексикой и США и пообещал продолжать этот курс, не поступаясь национальным суверенитетом.

В целом взвешенная программа Портеса Хиль встретила благосклонные отклики мексиканской и зарубежной прессы. Американская газета «Нью-Йорк Таймс» 3 декабря 1928 года с удовлетворением констатировала, что 37-летний глава государства готов содействовать «сердечности» в отношениях между Мексикой и США: «Новый президент – не диктатор»³⁴.

Состав кабинета Портеса Хиль еще более успокоил американцев, которые в то время уже твердо сделали ставку на Кальеса как «сильного человека» Мексики. На своих постах остались министр обороны Амаро и министр иностранных дел Эстрада. Друг посла Морроу министр финансов Монте де Ока также сохранил свой пост. Подозрение вызвало лишь появление Марте Гомеса в кресле министра сельского хозяйства, что предвещало активизацию аграрной реформы³⁵. Министерство промышленности и торговли, которое занималось и трудовыми спорами, вместо Моронеса возглавил человек, также имевший репутацию радикала, – друг первого советского полпреда в Мексике Пестковского Рамон де Негри.

³¹ В 1929 году, когда Портес Хиль был президентом, а его друг Марте Гомес – министром сельского хозяйства и развития, среди крестьян было распределено столько земли, что на компенсацию пришлось бы потратить 80 миллионов песо.

³² Бесспорно, здесь явно прослеживается идейное влияние посла США Морроу.

³³ За теми мексиканскими политиками, которые поддерживали и Кальеса и сторонников Обрегона, вскоре закрепилось прозвище «обрекальисты».

³⁴ Portes Gil E. Autobiografía de la Revolución Mexicana // www.antorcha.net/.../autobiografia/bibliografia.html

³⁵ На одной из своих монументальных фресок Диего Ривера увековечил Марте Гомеса, изобразив его в виде землемера в окружении крестьян. См. Осповат Л. Диего Ривера, М., 1969. С. 222.

Обрегонисты были представлены министром внутренних дел Ортисом Рубио, министром образования Эзекилем Падильей и упоминавшимся выше Марте Гомесом.

Главным вопросом осени 1928 года в Мексике был, однако, не состав временного правительства, которое должно было передать власть законно избранному президенту в феврале 1930 года. Всех интересовало, кого правящая элита выдвинет кандидатом в президенты на срок в 6 лет. В условиях Мексики того времени, когда результаты выборов полностью подтасовывались государственным аппаратом, человек власти становился президентом автоматически.

Сразу же после убийства Обрегона Кальес обещал пост постоянного президента Аарону Саенсу, при условии, что тот согласится с Портесом Хилем в качестве временного президента. Как совершенно верно отмечал в своих отчетах в Москву полпред Макар, Кальес мастерски использовал противоречия в лагере обрегонистов. Ибо Портеса Хилья и Саенса объединяла только дружба с Обрегоном: политические взгляды этих людей были прямо противоположными. Если Портес Хиль искренне верил в идеалы революции и действительно заботился о нуждах обездоленного большинства населения Мексики (что и показало его губернаторство в штате Тамаулипас), то Аарон Саенс был человеком совсем иного толка. Для него революция была лишь средством добиться власти и приумножить личное состояние. Правда, в этом смысле Саенс шел по пятам самого Обрегона, ставшего после революции богатым, хотя и не очень удачливым бизнесменом.

Саенс родился в 1891 году в индустриальном центре севера Мексики городе Монтеррей в зажиточной семье³⁶. Как и Портес Хиль, он был адвокатом. Участия в боях за революцию Саенс не принимал. Он занимал пост посла в Бразилии, Адольфо де ла Уэрта назначил его в 1920 году заместителем министра иностранных дел, а при Кальесе Саенс уже возглавлял внешнеполитическое ведомство. Сын Кальеса Плутарко-младший женился на сестре Саенса, который с 1927 года был губернатором штата Нуэво-Леон и возглавлял, как уже упоминалось, предвыборную кампанию Обрегона. В отличие от Портеса Хилья, Саенса поддерживали промышленники Монтеррея, так как новый губернатор и сам был не прочь заняться бизнесом.

Став губернатором, Саенс немедленно отменил акциз на пиво (Монтеррей по американской лицензии производил почти все пиво Мексики) и пригласил предпринимателей разработать новую налоговую систему, поощрявшую частный бизнес. Он возродил практиковавшуюся до революции систему предоставления предпринимателям различных налоговых льгот. Тем самым Саенс помогал и себе: еще до губернаторства его величали «сахарным бароном», так как он активно торговал этим товаром. Когда Саенс стал губернатором, принадлежавшая ему строительная фирма FYUSA получала подряды на строительство школ, обустройство тротуаров. Профсоюзное движение в штате Саенс не поощрял³⁷.

Саенс был протестантом, за что его ценили в США, и активно применял в Нуэво-Леоне законодательство, направленное против католической церкви.

В советском полпредстве справедливо считали Саенса одним из тех политиков, кто не был заинтересован в развитии отношений с СССР по идеологическим соображениям.

Собственно, он не устраивал Кальеса только в одном отношении: это была слабая фигура, и в случае избрания президентом Саенс мог стать игрушкой в руках военных, резко настроенных против Кальеса.

Кальес решил использовать Портеса Хилья в борьбе против Саенса, зная их диаметрально противоположные политические взгляды. И он не ошибся. Когда Портес Хиль стал министром внутренних дел, а потом и временным президентом, он перешел к открытым нападкам про-

³⁶ Tobler H. W. Die mexikanische Revolution. Frankfurt am Main, 1984. S. 503.

³⁷ Snodgrass M. Deference and defiance in Monterrey. Workers, Paternalism and Revolution in Mexico 1890–1950. Cambridge University Press, 2003. P. 130.

тив Саенса, обвиняя его в реакционных взглядах и связи с бизнес-элитой Монтеррея, которая ненавидела революцию³⁸.

В октябре 1928 года Кальес и Портес Хиль совершили поездку по северным штатам. Кальес хотел прощупать настроения политической элиты на севере, где было наиболее сильно влияние обрегонистов и зрел антиправительственный мятеж. Во время этого турне Портес Хиль прямо сказал Кальесу, что генералы-обрегонисты Эскобар, Топете, Мансо, Крус (бывший начальник полиции) готовят мятеж и остановить их может только выдвижение в президенты кандидата-обрегониста. В настоящее время наиболее подходящей кандидатурой для обрегонистского лагеря является Саенс. Портес Хиль подчеркнул, что у него с этим человеком разные политические взгляды. И Кальес, и Портес Хиль во время поездки встретились с Саенсом и рекомендовали ему не волноваться и не пропагандировать свою кандидатуру, чтобы не нагнетать обстановку в стране. Саенс сделал ошибочный вывод, что его выдвижение в президенты от правящего лагеря – дело решенное. Вывод Кальеса был иным и верным – военный мятеж на севере неизбежен, и к нему надо готовиться.

В свою очередь, Кальес стремился углубить разногласия в стане обрегонистов, незаметно подбрасывая общественному мнению других кандидатов в президенты. Одним из них был убежденный кальист Мануэль Перес Тревиньо³⁹, но именно поэтому его шансы на выдвижение правящей «революционной семьей» были весьма призрачными. Одно время Кальес даже хотел выдвинуть кандидатуру Мануэля Тельеса, посла в США. Тельес был другом Моронеса, что еще раз подтверждает анализ советского полпреда, согласно которому Кальес все же не хотел «сдавать» обрегонистам КРОМ как свою политическую базу. Однако при открытой ненависти подавляющего числа мексиканских избирателей к США кандидатура посла в этой стране была заведомо непроходной.

Скрытно Кальес продолжал подыскивать угодного себе кандидата, в то же время давая понять Саенсу, что не видит другой кандидатуры кроме него. В конце концов, выбор Кальеса пал на посла Мексики в Бразилии, инженера по образованию, «старого революционера» Паскуаля Ортиса Рубио.

В отличие от молодых Саенса и Портеса Хиль, Ортис Рубио был почти ровесником Кальеса. Он родился в 1877 году в штате Мичоакан – бастионе католического влияния в Мексике. Еще в 1895 году Ортиса Рубио исключили из университета за то, что он был противником переизбрания диктатора Диаса на пост президента. Тем не менее потом ему удалось получить высшее образование по специальности горного инженера. После победы революции в 1911 году Ортис Рубио был избран депутатом Конгресса и попал в тюрьму как активный сторонник Мадеро после переворота генерала Уэрты в 1913-м. Присоединившись к Каррансе, Ортис Рубио получил чин полковника и был отправлен в США с поручением организовать там печатание бумажных денег для конституционалистов. В 1917 году он стал губернатором Мичоакана, а после победы Обрегона над Каррансой в 1920 году занимал пост министра связи и общественных работ.

Интересно, что в 1920 году Ортис Рубио был избран Конгрессом временным президентом Мексики, но отказался от этого поста в пользу Адольфо де ла Уэрты⁴⁰. Однако после того, как в триумvirате Обрегон – де ла Уэрта – Кальес вспыхнули разногласия, Ортис Рубио не захотел становиться на чью-либо сторону и попросил назначить его послом в какую-нибудь страну. В 1923 году он стал послом в Германии. Либерально-конституционалистская партия

³⁸ Medin T. El minimato presidencial: historia politica del Maximato 1928–1935. Mexico, 1982. P. 43.

³⁹ Мануэль Перес Тревиньо родился в 1890 году, был инженером и в боях против Вильи в 1916 году командовал артиллерийскими частями. Придя к власти в 1920 году, Обрегон назначил его начальником генерального штаба. В правительстве Обрегона Тревиньо в 1923–1924 годах занимал пост министра промышленности и торговли. С 1925 года был губернатором штата Коауила.

⁴⁰ Medin T. El minimato presidencial: historia politica del Maximato 1928–1935. Mexico, 1982. P. 45.

предложила поддержать его кандидатуру на пост президента, но Ортис Рубио отказался, поддержав Кальеса.

Таким образом, к 1928 году Ортис Рубио отсутствовал в стране 6 лет и, естественно, не имел на родине никакой политической базы. Власти он не жаждал, что продемонстрировали события 1920 и 1923 годов, когда он мог стать президентом, и в этом смысле был идеальным кандидатом для Кальеса. В 1928 году Ортис Рубио опубликовал в мексиканской прессе несколько статей в поддержку Обрегона, что делало его кандидатуру приемлемой и для обрегонистов.

К началу декабря Кальес и Портес Хиль договорились, что Ортис Рубио должен стать следующим президентом страны. Но Саенс продолжал тешить себя надеждой, что его кандидатуре нет альтернативы, и Кальес не спешил его в этом разубеждать. 1 декабря 1928 года Ортис Рубио получил в Бразилии срочную телеграмму, в которой Министерство иностранных дел сообщало о его назначении министром внутренних дел и предлагало немедленно выехать в Мехико. Ортис Рубио поехал через Нью-Йорк, где его встретили как собственные сторонники, так и друзья Саенса, настоятельно советовавшие отклонить назначение. В Нью-Йорке с Ортисом Рубио переговорил личный секретарь Кальеса Торребланка (оставшийся на посту секретаря президента Портеса Хиля). Торребланка попросил избегать контактов с прессой и по приезду в Мехико немедленно встретиться с Кальесом. Эту же рекомендацию уже в мексиканской столице дал Ортису Рубио и Портес Хиль⁴¹.

Между тем перед Кальесом стояла непростая задача: поставить Саенса и поддерживавших его генералов перед фактом и не спровоцировать военный переворот. В ноябре 1928 года Кальес предложил Саенсу и ряду видных обрегонистов перед лицом единого фронта реакции создать единую политическую партию сторонников революции, которая и выдвинет единого кандидата в президенты от «революционной семьи». Эта партия должна была вобрать в себя две общенациональные партии – Национальную аграристскую и Лабористскую, но без их нынешних лидеров, а также все существовавшие в отдельных штатах региональные партии.

Саенсу идея понравилась. Он и сам тяготился тем, что радикальные апологеты аграрной реформы и лидеры партии аграристов Манрике и Сото-и-Гама говорили от имени всего обрегонистского лагеря. Лабористская же партия была филиалом ненавистного обрегонистам КРОМ и никакой перспективы не имела. К тому же следует отметить, что обе эти партии нормальными партиями в современном смысле этого слова не являлись. Аграристская партия представляла собой небольшую группу интеллектуалов, говоривших от имени многочисленных местных крестьянских лиг. Но эти лиги ориентировались в основном на правительства местных штатов, особенно тех (Веракрус, Мичоакан, Морелос, Тамаулипас), правительства которых активно раздавали землю крестьянам. Никаких собственных структур на местах у аграристской партии не было.

То же самое относилось к лабористам. Эта партия была политическим представительством КРОМ в Конгрессе, и у нее тоже не было никаких местных организаций. Сам КРОМ всецело зависел от милости властей. Фактически все влияние этого профцентра базировалось на дружбе Моронеса с Кальесом. Теперь, когда Моронес потерял свой пост и его фактически открыто обвиняли в причастности к покушению на Обрегона, КРОМ стал стремительно распадаться. Из него выходили целые профсоюзы, причем Портес Хиль активно поощрял эту тенденцию.

Поэтому Кальес и Саенс решили объединить все крестьянские и профсоюзные организации, а также региональные партии уже под своим непосредственным руководством.

21 ноября 1928 года в доме кальяста и одновременно сторонника Портеса Хиля Луиса Леона состоялась встреча видных политиков, на которой Кальес предложил создать новую еди-

⁴¹ Medin T. El minimato presidencial: historia politica del Maximato 1928–1935. Mexico, 1982. P. 45.

ную партию сторонников революции. Всем собравшимся он предложил остаться на своих государственных постах. Это согласно законодательству автоматически лишало их возможности баллотироваться в президенты, выборы которого должны были состояться ровно через год – 21 ноября 1929 года. Из всех присутствовавших государственного федерального поста не имел только Саенс, который лишний раз убедился, что именно его кандидатура будет выдвинута властями.⁴²

1 декабря 1928 года, в день, когда Ортис Рубио получил телеграмму из Мехико, в газетах появилось обращение организационного комитета по созданию новой единой партии сторонников революции – Национально-революционной партии (НРП). Подписали этот документ Кальес (как лидер оргкомитета), генерал Тревиньо (кальист), Аарон Саенс (лидер обрегонистов), Луис Леон (сторонник Портеса Хиля), Базилио Вадильо (первый посол Мексики в СССР) и ряд других политических деятелей⁴³. Авторы обращения утверждали, что в Мексике существует только два политических течения – реакционное и революционное. Чтобы объединить всех сторонников революции перед лицом реакции, лидеры оргкомитета предлагали собраться на учредительную конференцию новой партии, выработать ее программу и устав, избрать руководящие органы и выдвинуть единого кандидата в президенты⁴⁴.

Теперь все зависело от того, кто будет утвержден кандидатом в президенты на предстоящем учредительном съезде единой революционной партии. Саенс лишился возможности самовыдвижения.

Между тем Ортис Рубио встретился с Кальесом, и тот предложил ему стать кандидатом в президенты. Сам Ортис Рубио насчет истинных мотивов Кальеса уже тогда не обманывался: он понимал, что уходящий президент хочет сделать его своей марионеткой. Похоже, что Ортис Рубио просто испугался ответить отказом. Он, по его собственным словам, помнил, что имя Кальеса связывали со странной смертью ближайшего друга Обрегона генерал Хилла в 1920 году, а также со смертью соперника Кальеса на президентских выборах 1924 года генерала Флореса. Говорили и о причастности Кальеса к убийству Панчо Вильи и, наконец, самого Обрегона. Ортис Рубио понимал, что согласиться с предложением Кальеса значит связать себя «неразрывной цепью» с президентом и его группой. Отказаться значило «вызвать ненависть этих людей»⁴⁵. Ортис Рубио выбрал первое, так как сознавал, что отказ может стоить ему жизни⁴⁶.

В в начале декабря в Мексике возник острый политический кризис, который едва не превратил в макулатуру все планы Кальеса по созданию единой партии.

Пока Кальес вел искусную тактическую борьбу, усыпляя бдительность обрегонистов вокруг Саенса, в контрнаступление решил перейти ослабленный после покушения на Обрегона КРОМ. 4 декабря 1928 года уже бывший президент неожиданно появился на 9-м съезде КРОМ, где кромисты обрушились с резкой критикой на президента Портеса Хиля.⁴⁷ Поводом была поставленная одним из столичных театров комедия под названием «Деморонизация», в которой высмеивался Моронес. КРОМ требовал от Портеса Хиля немедленно прекратить нападки на рабочее движение (КРОМ скромно отождествлял себя с мексиканским пролетари-

⁴² См. Buchenau J. Plutarco Elias Calles and the Maximato in Revolutionaty Mexico: A Reinterpretation // www-gewi.uni-graz.at/jbla/JBLA_Band.../jbla06_229_254.pdf

⁴³ Текст воззвания см. на сайте www.memoriapoliticademexico.org

⁴⁴ В самом манифесте утверждалось, что оргкомитет новой партии не создан с целью поддержки какой-то конкретной кандидатуры на пост президента.

⁴⁵ Medin T. El minimato presidencial: historia politica del Maximato 1928-1935. Mexico, 1982. P. 46.

⁴⁶ Примечательно, что, к удивлению Портеса Хиля, Ортис Рубио попросил у него 20 человек вооруженной охраны для поездки к Кальесу в Куэрнавака, хотя никаких бандитов или «кристерос» в той местности не было.

⁴⁷ Garrido L. J. El partido de la revolucion institucionalizada. La formacion el Nuevo estado en Mexico (1928-1945). Mexico, 1982. P. 76.

атом) и запретить буффонаду. В противном случае лидер КРОМ угрожал направить к театру профсоюзных активистов и силой сорвать представление. Кроме того, Моронес обвинил Портеса Хилья в антирабочей политике на посту губернатора Тамаулипаса и в том, что на посту временного президента он при помощи коммунистов хочет ликвидировать КРОМ⁴⁸.

Уже само присутствие Кальеса на съезде (он был избран почетным президентом КРОМ и получил из рук Моронеса медаль) создавало впечатление, что бывший президент разделяет критику в адрес властей. В своем выступлении на съезде КРОМ Кальес заявил: «Я ожидаю и желаю, чтобы все элементы Региональной Рабочей Конфедерации Мексики (то есть КРОМ – прим. автора) оставались едиными. Они будут продолжать бороться за свою идею... и не будет никого и ничего, кто сможет этому помешать...» Ничто, подчеркнул Кальес, не заставит его отказаться от «сердечности», которую он питает по отношению к КРОМ⁴⁹. Естественно, эти слова были встречены овацией, и делегаты съезда решили, что Кальес, так же как и они, настроен против Портеса Хилья.

Назревал скандал.

Портес Хиль на посту губернатора Тамаулипаса (крупнейшего центра нефтедобычи в Мексике) действительно препятствовал КРОМ, когда Моронес силой пытался подчинить себе профсоюзы нефтяников незаконными методами⁵⁰. Теперь, даже не дожидаясь поступления официального ультиматума с требованием запретить одиозную, с точки зрения Моронеса, театральную постановку, президент выступил с заявлением для прессы. Он подчеркнул, что стоит на страже свободы мнений, и направил к театру 50 вооруженных полицейских, чтобы воспрепятствовать любым выходкам боевиков КРОМ. Одновременно Портес Хиль отметил, что ничего не имеет против какой бы то ни было рабочей организации, если она действует в рамках закона.

Ответ Портеса Хилья вызвал негодование съезда КРОМ. Выступивший на нем член руководства КРОМ Ломбардо Толедано предложил, чтобы все кромисты в знак протеста ушли в отставку со всех занимаемых ими государственных постов, а также покинули совместную комиссию рабочих и предпринимателей, обсуждавшую проект федерального Трудового кодекса⁵¹.

Временный президент всерьез опасался, что ультиматум Моронеса является началом государственного военного переворота. На съезде КРОМ взял слово бывший начальник полиции генерал Крус, в то время – командующий войсками в Мичоакане. Крус, и ранее открыто выступавший против правительства, на сей раз заявил, что «его шпага» находится в полном распоряжении КРОМ.

Кальес, видимо, выжидал, чтобы увидеть, сможет ли КРОМ перейти в контрнаступление и навязать властям свою волю. Вероятно, в случае успеха он намеревался сделать именно КРОМ базой будущей единой революционной партии. Однако ненависть к КРОМ и особенно его лидерам в обществе была столь сильной, что Моронес просчитался.

6 декабря 1928 года Портеса Хилья посетил генерал-обрегонист Фаусто Топете, только что избранный губернатором Соноры, и сообщил от имени других генералов-обрегонистов (Эскобара, Агирре и Мансо), что Кальес, Моронес и министр обороны Амаро готовят военный мятеж в столице с опорой на КРОМ⁵². Но вскоре президента посетил и Амаро, который

⁴⁸ На самом деле компартия, несмотря на то, что многие ее активистов погибли от рук боевиков КРОМ, осудила репрессии против этой организации и направила съезду КРОМ предложение о сотрудничестве. Однако Моронес сорвал на съезде обсуждение этой инициативы. Соколов А. А. Рабочее движение Мексики (1917–1929). М., Издательство МГУ, 1978. С. 222.

⁴⁹ Diaz R.L. La crisis Obregón-Calles y el estado mexicano. Mexico, Siglo XXI, 1980, p. 118.

⁵⁰ В воспоминаниях Портес Хиль прямо писал, что КРОМ боролся против профсоюзов нефтяников «кровавыми методами».

⁵¹ Diaz R. L. La crisis Obregón-Calles y el estado mexicano. Mexico, Siglo XXI, 1980. P. 118.

⁵² Medin T. El minimato presidencial: historia politica del Maximato 1928-1935. Mexico, 1982. P. 57.

заявил, что находится на стороне президента вне зависимости от той позиции, которую занимает Кальес. Таким образом, армия твердо стояла на стороне правительства. Генералы не скрывали своей ненависти к КРОМ еще и потому, что ходили упорные слухи: Кальес и Моронес хотят заменить регулярные вооруженные силы батальонами КРОМ.

На КРОМ обрушился с единодушной критикой и мексиканский Конгресс. Депутаты не стеснялись в выражениях в адрес Моронеса и Кальеса. Первого, например, они называли «спрутом, высасывающим кровь из рабочего движения». 7 декабря делегация Конгресса посетила Портеса Хиля и выразила ему свою полную поддержку в противостоянии с КРОМ. Также в поддержку Портеса Хиля проходили уличные манифестации.

В этих условиях временный президент перешел в контрнаступление на КРОМ, пытаясь одновременно вывести из-под удара Кальеса. Вечером 6 декабря Портес Хиль направил Луиса Леона в резиденцию Кальеса, чтобы побудить бывшего президента высказаться публично относительно возникшего острого внутривластного кризиса.

Кальес понял, что просчитался и его сложная комбинация по объединению всех революционных политических сил под собственным руководством может потерпеть крах. Поэтому 8 декабря ему пришлось выступить с двумя заявлениями. В первом он подтверждал, что поддерживает КРОМ, так как всегда испытывал «солидарность с рабочим движением»⁵³, но его присутствие на съезде «понято неправильно».

Во второй декларации Кальес, подтвердив призыв всей «революционной семье» объединиться вокруг НРП, неожиданно провозгласил, что не видит себя в роли лидера организационного комитета и, чтобы облегчить основание по-настоящему единой партии, слагает с себя полномочия главы оргкомитета и «удаляется» из политической жизни. Отныне он намерен вести существование обычного среднего гражданина.

Теперь формально обрегонисты не могли упрекнуть Кальеса в том, что он дирижирует подготовкой организационного съезда. 8 декабря стало известно, что из оргкомитета вышел и Саенс. Он, видимо, уже ощущая себя кандидатом в президенты, тоже не хотел, чтобы его упрекали в режиссуре съезда. Саенс открыто заявил, что выходит из оргкомитета в связи с возможным выдвижением своей кандидатуры на пост президента.

К тому времени кандидатуру Саенса официально выдвинули несколько общественных организаций и партий в штатах Табаско, Чьяпас, Коауила, Халиско и Керетаро. В основном это были организации, ранее поддерживавшие кандидатуру Обрегона⁵⁴.

Новым главой оргкомитета стал третий по весу подписант учредительного манифеста генерал Тревиньо – активный сторонник Кальеса. Таким образом, Кальес из-за кулис фактически продолжал руководить подготовкой учредительного съезда НРП.

Тревиньо не хотел видеть президентом Саенса. Такого же мнения придерживался по идеологическим соображениям левый губернатор Веракруса Техеда. Против Саенса был настроен и генерал Сатурнино Седильо, опиравшийся на несколько тысяч вооруженных крестьян в штате Сан-Луис-Потоси.

9 декабря 1928 года все генералы, командующие военными округами, подтвердили свою лояльность правительству. Ультиматум КРОМ не возымел действия, но Моронесу и его группе надо было хотя бы сохранить лицо. По инициативе одного из молодых лидеров КРОМ Ломбардо Толедано съезд профцентра все-таки принял судьбоносное решение об отзыве всех кромовских функционеров с занимаемых ими государственных постов. Толедано предложил даже распустить Лабористскую партию, чтобы вывести ее из-под удара властей.

⁵³ Garrido L. J. El partido de la revolucion institucionalizada. La formacion el Nuevo estado en Mexico (1928-1945). Mexico, 1982. P. 76.

⁵⁴ Diaz R. L. La crisis Obregón-Calles y el estado mexicano. Mexico, Siglo XXI, 1980. P. 127.

Добровольно устранившись от реальных рычагов влияния, КРОМ окончательно проиграл. 11 декабря 1928 года из КРОМ вышел очень влиятельный профсоюз редакторов газет столичного федерального округа (за ним ушли и рабочие типографий, где печатались газеты). В тот же день примеру редакторов последовали не менее влиятельные трамвайщики, забастовка которых могла бы парализовать столицу. Ушли из КРОМ и рабочие военных заводов. Это был особенно чувствительный удар – ведь еще недавно этими заводами руководили функционеры КРОМ.

Почти все ушедшие из КРОМ профсоюзы выразили поддержку Портесу Хилью.

Американские СМИ правильно передали настроение мексиканского общественного мнения в тот период: «Большинство мексиканцев интерпретировали это в том смысле, что КРОМ объявил политическую войну обрегонистам или аграристской партии – партии президента Портеса Хилья»⁵⁵.

20 декабря 1928 года мексиканские газеты опубликовали сенсационное известие: Ортис Рубио принял пост министра внутренних дел. По неписаной мексиканской традиции того времени это означало, что именно он и станет кандидатом в президенты. И действительно, 29 декабря сам Ортис Рубио подтвердил эти слухи. Саенс начал понимать, что его обвели вокруг пальца.

Потерпев тактическое поражение в декабрьском кризисе, Кальес не утратил стратегической инициативы. Он решил сделать программу будущей единой партии такой радикальной, чтобы на ее фоне кандидатура умеренного и консервативного Саенса показалась большинству делегатов нонсенсом. По части радикальной революционной фразеологии Кальесу действительно не было равных: не зря еще пару лет тому назад многие в США считали его «большевиком».

В проекте программы НРП, в частности, говорилось: «...НРП является инструментом политического действия, с помощью которого большие массы крестьян и рабочих Мексики борются за сохранение контроля над государственной властью в своих руках: контроля отобранного у помещиков и привилегированного меньшинства в ходе великого вооруженного движения, начавшегося в 1910 году». Декларация принципов новой партии была не менее радикальной: «НРП... будет стремиться улучшить ситуацию народных масс путем введения в действие статей 123 и 27 Конституции, так как партия считает рабочий и крестьянский классы самыми важными элементами мексиканского общества»⁵⁶. Одновременно конкретная социально-экономическая программа нацеливала Мексику на довольно консервативный эволюционный путь индустриализации и модернизации. Например, провозглашалось поощрение национального и иностранного капитала, работающего на благо Мексики («честного капитала», как это формулировали кальисты). В аграрной части провозглашалось продолжение политики распределения помещичьих земель среди крестьян и общин эхидо.

С точки зрения организационного строения будущая НРП походила на лейбористскую партию Великобритании. Новая партия состояла как из местных комитетов, так и из коллективных членов – региональных партий и групп.

Проекты учредительных документов НРП появились в мексиканской прессе в конце января 1929 года. Работа над ними твердо находилась в руках кальистов: Базилио Вадильо⁵⁷, Луиса Леона и Пуига Касауранка. Перед опубликованием в прессе все документы утвердил лично Кальес.

⁵⁵ Time, 17.12.1928.

⁵⁶ См. Buchenau J. Plutarco Elias Calles and the Maximato in Revolutionaty Mexico: A Reinterpretation // www-gewi.uni-graz.at/jbla/JBLA_Band.../jbla06_229_254.pdf

⁵⁷ Над уставом НРП работал в основном посол Мексики в Москве Вадильо, который много перенял из устава ВПК(б).

В середине февраля глава оргкомитета НРП Тревиньо заявил, что оргкомитет не ведет работы в пользу какого-либо кандидата в президенты. Это заявление явно было рассчитано на то, чтобы успокоить Саенса.

Учредительный съезд НРП наметили провести в марте 1929 года в городе Керетаро, где в 1867 году были разгромлены остатки марионеточной армии императора Максимилиана, державшегося у власти с помощью иностранных штыков. Таким образом, новая партия демонстрировала свою приверженность идеалам Бенито Хуареса. На съезде ожидалось присутствие 148 партий и групп со всей страны⁵⁸. Фактически вне рамок съезда остались только две политические силы – компартия и КРОМ. Из губернаторов штатов в НРП не вошел только глава Веракруса Техеда, которого считали скрытым коммунистом.

Большинство из 1800 делегатов съезда начали прибывать в Керетаро уже в конце февраля 1929 года. Повестка дня съезда НРП состояла из трех пунктов:

- выдвижение кандидата в президенты от партии;
- учреждение самой партии;
- выбор руководства (исполнительного комитета) НРП.

Между тем Кальеса и Портеса Хиля занимала уже другая проблема. К бывшему и временному президенту поступали сведения о готовящемся военном мятеже генералов-обрегонистов. 25 января 1929 года губернатор Соноры Топете направил письмо губернатору штата Нижняя Калифорния Абельардо Родригесу с предложением присоединиться к восстанию. В письме перечислялись все генералы и губернаторы штатов, которые уже дали свое согласие. Родригес передал письмо Кальесу.

Все стало окончательно ясно, когда Кальес вызвал в Мехико генерала Франсиско Мансо, а тот просто отказался приехать. Кальес и не пытался расстроить заговор, предпочитая уничтожить мятежных генералов одним махом, как это уже удалось ему осенью 1927 года.

Видя неизбежность вооруженной борьбы, Кальес и Портес Хиль поспешили заручиться поддержкой США. Они помнили, что именно американские поставки вооружения помогли быстро подавить мятеж де ла Уэрты в 1923-1924 годах.

14 февраля 1929 года посол США в Мехико Морроу доложил госдепартаменту, что министр иностранных дел Эстрада по поручению Портеса Хиля сообщил о готовящемся мятеже генерала Топете, губернатора Соноры. В связи с этим правительство Мексики просило правительство США разрешить закупку на частных американских заводах самолетов и другого вооружения⁵⁹.

Самолеты были ключевым средством вооруженной борьбы именно в Соноре. Между центром страны и этим пограничным штатом по-прежнему отсутствовало железнодорожное сообщение, и перебросить войска туда было очень сложно. Это давало возможность любым мятежникам в Соноре закрепиться и нарастить силы. В то же время, как показал мятеж де ла Уэрты, бомбовые удары с воздуха по повстанцам производили сильнейший психологический эффект, деморализуя мятежников. Кстати, это понимал и Топете, который тоже закупал в США самолеты и нанимал американских пилотов.

В США ценили Кальеса и уже 16 февраля 1929 года согласились предоставить лицензии на закупку требуемого вооружения⁶⁰ (6–9 самолетов «Корсар»), пулеметов, патронов и бомб.

⁵⁸ Garrido L. J. El partido de la revolucion institucionalizada. La formacion el Nuevo estado en Mexico (1928-1945). Mexico, 1982. P. 92.

⁵⁹ Foreign Relations of the United States (FRUS). Volume III, 1929. P. 336–337.

⁶⁰ Foreign Relations of the United States (FRUS). Volume III, 1929. P. 337. Бипланы «Корсар» были современными. Их разработали в 1925 году по заказу ВМС США как первые самолеты для авианосцев. Сухопутные войска использовали их для патрулирования границы. Первоначально «Корсары» могли нести только две 50-фунтовые бомбы и были вооружены тремя пулеметами. Потом бомбовую нагрузку увеличили. Крейсерская скорость «Корсара» составляла 135 миль в час, радиус действия – 680 миль. В 1928 году американцы использовали эти самолеты для борьбы с партизанами Сандино в Никарагуа.

В тот же день военный атташе Мексики в Вашингтоне генерал Аскарате отбыл на завод для подписания договора о приобретении 9 аэропланов.

Как и в 1923 году, мятежных генералов подвела несогласованность. Мятеж планировался на 27 марта одновременно в Веракрусе и в Соноре (как это имело место и в 1923-м). Но Кальес решил сам спровоцировать мятежников на выступление, приурочив его к открытию съезда НРП в Керетаро. На съезде ожидалась ожесточенная борьба кальистов и сторонников Саенса. Мятеж генералов-обрегонистов, которые тоже были сторонниками Саенса, именно в этот момент практически подрывал шансы последнего на выдвижение кандидатом в президенты. Кальес получал все основания апеллировать к единству «революционной семьи» перед лицом военного мятежа.

Поэтому в начале марта 1929 года генералу Агирре (командующему армией в штате Веракрус) был отдан приказ направить часть вверенных ему сил в столицу. Если бы Агирре подчинился, то не смог бы поднять мятеж, поскольку в Веракрусе у губернатора Техеды было под ружьем несколько тысяч вооруженных крестьян, которые уже сорвали мятеж де ла Уэрты в 1923 году.

Генерал Эскобар

Агирре решил схитрить и сообщил в Мехико, что готов выполнить приказ, но не может этого сделать, так как мятеж якобы поднял губернатор Техеда⁶¹. Этому, конечно никто не поверил, и генералы братья Агирре, которые командовали армейскими частями в Веракрусе,

⁶¹ Portes Gil E. Autobiografia de la Revolucion Mexicana // www.antorcha.net/.../autobiografia/bibliografia.html

решили все-таки выступить против правительства и захватить Мехико самостоятельно, чтобы не делить власть с северными генералами.

1 марта 1929 года открылся учредительный съезд НРП, а уже 4 марта 1929 года председатель съезда Мануэль Тревиньо сообщил делегатам о начале военного мятежа в Веракрусе. Губернаторам Топете в Соноре и Каравео в Чиуауа не оставалось ничего иного, как присоединиться к преждевременному выступлению.

Главномандующим силами мятежников, которые называли себя Армией обновления революции, был назначен генерал Гонсало Эскобар⁶². В «плане Эрмосильо» (принятом путчистами в одноименном городе-столице штата Соноры) Портес Хиль и все поддерживавшие его губернаторы и депутаты Конгресса объявлялись низложенными. Кальес именовался «Иудой мексиканской революции» и виновником убийства Обрегона. Мятежники выступали против навязывания стране кандидата в президенты, которого считали марионеткой Кальеса.

Пожалуй, впервые за время революции в плане не содержалось никаких социально-экономических требований. Правда, Эскобар выступил со специальным воззванием к крестьянству Мексики, в котором обещал продолжение аграрной реформы.

Военный мятеж развивался по классическому мексиканскому образцу: все части регулярной армии, подчинявшиеся мятежным генералам, автоматически встали на сторону своих командиров. Это означало, что около 28 % мексиканской армии выступило против правительства⁶³. Штаты Сонора, Чиуауа, Дуранго, Халиско, Оахака и Веракрус и частично Сакатекас и Синалоа путчисты, которые были там либо губернаторами, либо командующими войсками, захватили без единого выстрела. Такие крупные и промышленно развитые города Мексики, как Монтеррей, Веракрус и Торреон, оказались в руках восставших. Когда Эскобар занимал Торреон, он объявил, что подавляет мятеж другого генерала Альмасана, который на самом деле был верен правительству. Чтобы усыпить бдительность Портеса Хиля, Эскобар направил ему телеграмму, в которой выражал готовность выступить на подавление мятежа Агирре.

Мятежники быстро конфисковали большие средства в банках и, имея границу с США в своих руках, могли бы закупать там практически неограниченное количество оружия. Однако правительство США с самого начала встало на сторону Кальеса и Портеса Хиля.

В первый же день мятежа, используя как предлог то обстоятельство, что министр обороны Амаро во время игры в поло повредил глаз и отбыл на лечение в США, Портес Хиль назначил Кальеса министром обороны и поручил ему подавить восстание. Все части из Мехико выступили на фронт, и в столице оставалось не более 300 солдат и офицеров.

Мятежники немедленно уведомили США, что намерены поддерживать с американцами самые дружественные отношения. Восстание началось незадолго до инаугурации нового президента США республиканца Гувера, и мятежники рассчитывали, что успеют разгромить Кальеса до тех пор, пока в Вашингтоне приступит к своим обязанностям новый кабинет.

Однако уже 4 марта 1929 года министр иностранных дел Эстрада передал через Морроу четыре пожелания мексиканского правительства к США:

- строгое соблюдение эмбарго на поставки оружия в Мексику, за исключением заказов мексиканского правительства;

- прекращение любого движения людей и грузов через порты и таможни, захваченные мятежниками;

⁶² Эскобар родился в 1892 году в штате Синалоа. С 1914 года сражался в рядах конституционалистов в Северо-восточной армии Пабло Гонсалеса. Нанес несколько поражений Вилье. В 1923–1924 году сыграл ключевую роль в подавлении мятежа де ла Уэргты. В 1927 году участвовал в подавлении «мятежа» генералов Гомеса и Серрано, причем Гомеса Эскобар захватил в плен и приказал расстрелять.

⁶³ Мексиканская регулярная армия в то время состояла из 21 дивизии, одной из которых командовал Эскобар. Однако «дивизии» мексиканской армии по численности не соответствовали нормальным дивизиям европейских армий. Так, под командованием Эскобара к моменту начала мятежа было примерно 3500 человек. Всего в восстании приняли участие примерно 30 тысяч солдат и офицеров, или 22 пехотных батальона и 21 кавалерийский полк.

– гарантии правительства США по продаже Мексике любых вооружений;
– выражение со стороны правительства США «дружественного отношения» к правительству Мексики⁶⁴.

Морроу поддержал просьбу и добавил, что желательно пресечь все каналы финансирования мятежников. Также американский посол передал просьбу Кальеса и Портеса Хиля немедленно продать Мексике 10 тысяч винтовок (5000 – для пехоты и 5000 – для кавалерии), а также 2 миллиона патронов.

Сначала в Вашингтоне колебались и запросили у Морроу общую оценку ситуации (по всей вероятности, в США не исключали военную победу генералов-обрегонистов). 5 марта посол сообщил, что восстали 10 тысяч человек, или одна шестая армии (эти данные были явно заниженными). Правительство, по мнению Морроу, может и самостоятельно подавить мятеж. Если же «нынешняя администрация падет, то наши проблемы в республике (в Мексике – прим. автора) только начнутся». Посол имел в виду, что победившие генералы рассорятся между собой и ситуация станет очень похожей на 1914–1915 годы, когда Вилья воевал с Каррансой. Поэтому Морроу рекомендовал правительству США занять такую же позицию, как и во время мятежа де ла Уэрты, – то есть помочь центральному правительству Мексики⁶⁵.

Вашингтон согласился, и с этого момента повстанцы были обречены на поражение.

Американские СМИ писали о новой «революции» в Мексике, которая, к сожалению, затронула Сонору – приграничный штат, откуда измученные «сухим законом» граждане США получали спиртное и где можно было легко развестись⁶⁶. Подчеркивалось, что обе «революции» – в Веракрусе и на Севере – «были полностью бескровными».

Восставшие генералы попытались образовать единый фронт с «кристерос», изрядно потрепанные отряды которых в то время все еще насчитывали около 25 тысяч человек. Эскобар даже издал декрет, отменяющий антирелигиозное законодательство Кальеса.

Командующий силами «кристерос» генерал Горостиета сообщал своим войскам, что Эскобар и его сообщники представляют собой «беспринципных генералов», с победой которых «ситуация в республике только ухудшится»⁶⁷. Однако у «кристерос» катастрофически не хватало боеприпасов, и поэтому Гороститет разрешил заключать тактические соглашения о взаимодействии с мятежниками с целью пополнения боезапаса. В любом случае «кристерос» надлежало сохранять самостоятельное командование и участвовать только в таких совместных операциях, в которых у них будет численное преимущество над эскобаристами. Эта директива осталась без последствий, поскольку наладить тактическое взаимодействие мятежникам и «кристерос» так и не удалось.

Бои в начале мятежа шли с переменным успехом. Эскобар был толковым генералом и действовал решительно. Он немедленно отдал приказ командующему войсками в Соноре генералу Мансо двигаться на штат Синалоа и захватить важный тихоокеанский порт Масатлан⁶⁸. Взятие этого важного порта лишило бы правительство важного пункта по приему возможных поставок оружия из США, а также помешало бы правительственным войскам быстро прибыть из центральных районов в Сонору морем. Одновременно другой генерал-мятежник Урбалехо (индеец яки) должен был из Дуранго ударить на юг в направлении Сакатекаса. Сам Эскобар, как уже упоминалось, с помощью военной хитрости 4 марта занял Монтеррей.

Однако главная роль отводилась Агирре в Веракрусе. По железной дороге его войска должны были быстро выдвинуться к Мехико, занять столицу и арестовать Портеса Хиля и

⁶⁴ Foreign Relations of the United States (FRUS). Volume III, 1929. P. 341.

⁶⁵ Foreign Relations of the United States (FRUS). Volume III, 1929. P. 344.

⁶⁶ Time, 11.03.1929.

⁶⁷ Medin T. El minimato presidencial: historia politica del Maximato 1928–1935. Mexico, 1982. P. 51.

⁶⁸ De La Pedraja Toman, R. Wars of Latin America 1899–1941. McFarland and company Inc Publishers, 2006. P. 299.

Кальеса. Но если мексиканский флот поддержал Агирре, то некоторые армейские части в Веракрусе оказали сопротивление. У Агирре было численное превосходство (три полка против двух, оставшихся лояльными правительству), однако уличные бои в городе могли бы затронуть собственность иностранных граждан.

В этих условиях Агирре попросил консула США в Веракрусе Майерса о посредничестве. Майерс предупредил, что не потерпит причинения ущерба американской собственности в городе, и настоятельно рекомендовал Агирре воздержаться от боев. После этого Агирре покинул город, и мятеж в Веракрусе, а значит, и в целом в Мексике, фактически провалился. 7 марта Майерс доложил в госдепартамент: «Веракрус снова под контролем федеральных властей»⁶⁹. Теперь Кальес мог беспрепятственно принимать военную помощь США через этот важнейший порт Мексики. Агирре с двумя тысячами бойцов ушел из Веракруса на юг, и по пути его части просто разбежались. Когда федералы настигли генерала 20 марта, он был уже один. 21 марта Агирре расстреляли.

Кальес быстро остановил двигавшиеся на Веракрус войска (2000 человек под командованием генерала Акосты) и перебросил их под Монтеррей.

Уже 5 марта Эскобару пришлось оставить город, он отступил на Салтильо, а оттуда – на Торреон. Подошедший к городу с 14 полками верный правительству генерал Альмасан начал преследование мятежников. Правда, перед тем как уйти, повстанцы реквизировали в местных банках по всему северу Мексики (некоторые из них были филиалами американских «Нешнл Сити Бэнк» и «Эквитэбл Траст Компани») около 2,5 миллиона песо серебром и золотом.

Кальес сосредоточил 8 тысяч солдат в центре Мексики, в важном железнодорожном узле Ирапуато, откуда их по железной дороге быстро можно было перебросить на любой участок фронта.

8 марта Кальес лично отбыл на северный фронт и сохранял общее руководство операциями. Непосредственно боевые действия вел генерал Альмасан. Основные силы мятежников (около 4 тысяч человек) под командованием Эскобара находились в Торреоне, и Кальес направил к городу сильные группировки по всем железнодорожным линиям, чтобы не допустить продвижения Эскобара из города на соединение с другими частями.

8 марта 1929 года повстанцы начали штурм приграничного города Сьюдад-Хуарес в Чиуауа и быстро прижали небольшой федеральный гарнизон к реке, за которой уже находился американский город Эль-Пасо. Федералы готовились к капитуляции, но тут опять вмешались американцы. Командующий воинскими частями США вдоль границы пригрозил командиру мятежников, что не допустит его атаки на прижатых к реке федералов, так как в результате может пострадать Эль-Пасо. После этого 267 федеральных солдат, включая двух генералов и 35 офицеров, спокойно перешли на американскую сторону и были интернированы.

В Соноре части федералов были окружены в городе Нако превосходящими силами мятежников численностью 1500 человек. Как и Сьюдад-Хуарес, Нако находился прямо на границе и был отделен от американского города только рядом колючей проволоки. Гарнизон давно бы сдался, если бы американцы не разрешили ему закупать продукты по ту сторону границы. Командующий мятежниками Топете попытался сломить сопротивление защитников Нако с помощью ежедневных бомбежек, которые осуществляла эскадрилья мятежников «Янки Дудль», состоявшая из американских наемников⁷⁰. Однако командующий американскими войсками в этом районе фактически запретил мятежникам бомбежки Нако, так как во время одной из них пострадал один человек на территории США. Причем сами окруженные федералы из Нако продолжали совершать налеты на позиции мятежников.

⁶⁹ Foreign Relations of the United States (FRUS). Volume III, 1929. P. 349.

⁷⁰ Ragsdale K. B. Wings over the Mexican Border. University of Texas Press, 1997. P. 38.

Эскадрилья «Янки Дудль» появилась у Эскобара в конце марта, после того как правительственные силы стали использовать авиацию. На севере Мексики Кальесу действительно оченьгодились американские самолеты. 16 марта два правительственных самолета, в том числе один «Корсар», бомбили Торреон (было сброшено 6 или 8 небольших бомб) и расстреливали с воздуха части мятежников. На следующий день было совершено уже несколько налетов. Американский консул в Торреоне оценивал потери повстанцев как нулевые, зато были убиты или ранены около 20 мирных жителей⁷¹.

23 марта в Сьюдад-Хуаресе Эскобар встретился с группой из пяти американских летчиков и предложил каждому из них по 1000 долларов в неделю за участие в боях, плюс концессии на ведение бизнеса в Мексике после победы восстания. Американцы хотели 1250 долларов плюс 600 за каждый боевой вылет, но потом все же согласились. Так появилась эскадрилья «Янки Дудль». Среди летчиков были и участники Первой мировой войны, один из которых сбил четыре немецких самолета. Несмотря на эмбарго, Эскобар с помощью американских бизнесменов приобретал в США самолеты. Они закупались от имени какого-нибудь американца и перегонялись в Эль-Пасо. Там их встречали пилоты «Янки Дудль» и тайно перелетали через границу. Американцы делали бизнес и на самих самолетах. Так, двухместный биплан типа «Америкэн Игл», стоивший тогда 1000 долларов, продавали повстанцам почти за 4000.

Правда, в отличие от правительственных сил, «Янки Дудль» состояла из разномастных гражданских самолетов, которых никогда не было больше десятка. Наемникам приходилось атаковать правительственные части, держа в руках обычные пулеметы или автоматы. Не имелось у повстанцев и бомб, и им пришлось делать самодельки на фабрике в Кананеа, где была взрывчатка⁷². Обычно второй пилот держал самодельные бомбы на коленях. Когда самолет находился над целью, он аккуратно снимал предохранитель и сбрасывал бомбу через проделанную в полу кабины дырку. После возвращения с операции пилотам платили за каждый предъявленный отвинченный предохранитель⁷³.

Конечно, в то время авиация не могла еще решительно влиять на ход боевых действий и оказывала скорее психологическое воздействие. В ходе одной из бомбардировок Нако 4 апреля летчики «Янки Дудль» с высоты 4000 футов попали бомбой в траншею и убили двух солдат, но такие успехи были скорее исключением, чем правилом. Причем одновременно пилот-американец Патрик Мэрфи по ошибке сбросил три бомбы на американскую территорию. Одна из них угодила в частный гараж, а другая – в здание почты. Это была первая бомбардировка территории США за всю историю страны.

23 марта 1929 года Морроу предложил, чтобы в порт Масатлан для защиты жизни и имущества американцев прибыл эсминец ВМС США⁷⁴. Уже через день командир эсминца «Роберт Смит» получил соответствующий приказ. Однако после того как Масатлан 27 марта заняли правительственные войска под командованием генерала Ласаро Карденаса, американский консул сразу успокоился и рекомендовал направить эсминец в другой порт.

В начале апреля стало ясно, что город Нако бомбят американские летчики на американских же самолетах. Министр обороны США на специальной пресс-конференции предупредил своих соотечественников, сражавшихся на стороне повстанцев, что правительство США не будет их защищать, если они попадут в плен. Однако по дипломатическим каналам амери-

⁷¹ Ragsdale K. B. *Wings over the Mexican Border*. University of Texas Press, 1997. P. 26.

⁷² Узнав об этом, мексиканское правительство запретило импорт взрывчатых веществ из США, без которых горнодобывающая фабрика в Кананеа могла остановиться. Тем не менее власти США сообщили мексиканскому послу, что готовы запретить экспорт взрывчатки в Кананеа.

⁷³ Самодельную бомбу обычно изготавливали из куска 10-дюймовой водопроводной трубы, наполненной шрапнелью. Концы заливали свинцом, проделывали дыру для фитиля, куда вставляли бикфордов шнур. Во время полета второй пилот по сигналу основного летчика поджигал шнур сигарой.

⁷⁴ *Foreign Relations of the United States (FRUS)*. Volume III, 1929. P. 370.

канцы попросили мексиканское правительство все же не расстреливать захваченных в плен наемников. Такое заверение было дано.

Между тем под давлением правительственных сил основная группа мятежников в главе с Эскобаром 17 марта покинула Торреон в полном порядке, несмотря на попытку федеральной кавалерии перерезать железнодорожные пути. 19 марта в город прибыл Кальес, в то время как Эскобар, разрушая за собой железнодорожное полотно, отступал к городу Хименес. В Торреоне Кальес разделил федеральные силы на три боевые группы. Одна из них, численностью около 8000 человек под командованием Альмасана, продолжала преследовать Эскобара. 9000 человек во главе с генералом Ласаро Карденасом через Ирапуато были направлены на запад, на помощь Масатлану, откуда они должны были наступать на север, на Сонору. Группа генерала Седильо, состоявшая в основном из вооруженных крестьян, оставалась в резерве в штатах Халиско, Дуранго и Сакатекас и должна была держать под постоянным давлением отряды «кристерос», не давая им установить оперативное взаимодействие с мятежниками.

29 марта Карденас, деблокировав Масатлан, двинулся на север. Числом его силы настолько превосходили мятежников, что те не рискнули дать правительственным войскам генеральное сражение.

Ключевая битва между мятежниками во главе с Эскобаром и федеральными силами под командованием генерала Альмасана состоялась 1 апреля у города Хименес.

В ней приняли участие примерно 8000 бойцов⁷⁵ со стороны восставших и 8613 солдата и офицера федералов. Эскобар решил повторить успех Обрегона при Селайе. Половину его сил составляла кавалерия, и он расположил ее прямо за фронтом своих частей. Предполагалось дать возможность правительственным войскам атаковать, измотать их в обороне и затем разгромить свежей кавалерией. Атаки армии Альмасана 1 апреля создали впечатление, что мятежники вот-вот побегут. Еще 31 марта генерал послал кавалерийский отряд, чтобы он разрушил железнодорожные пути к северу от Хименеса и таким образом помешал разбитым повстанцам бежать с поля боя в эшелонах. Когда командующий отрядом сказал, что у него нет инструментов для разбора путей, Альмасан в ярости приказал сделать это руками, если понадобится⁷⁶.

На 2 апреля Альмасан назначил генеральное наступление против центрального участка фронта противника, но вдруг изменил решение и приказал ждать атаки противника. Эскобар понимал, что с каждым днем восстания преимущество противника в боеприпасах становится все ощутимее. К тому же его войскам нужен был хотя бы какой-то успех, чтобы поднять боевой дух. Поэтому 2 апреля кавалерия Эскобара ударила по флангам федералов, а в центре перешли в наступление пехотинцы. Однако сильным артиллерийским и пулеметным огнем конница мятежников была рассеяна. Пехота Эскобара подобралась к траншеям противника на 80 метров. Вот тут-то по ней и ударила свежая кавалерия правительственных сил.

Несмотря на практически полную гибель кавалерии, пехота Эскобара стойко отражала контратаки федеральных сил. Но примерно в 3 часа пополудни эшелоны с мятежниками начали покидать Хименес. Вечером окопы оставила основная масса мятежников. Силы Альмасана тоже были крайне истощены, и он решил не преследовать противника ночью. Тем более что железнодорожные пути были разрушены, и враг не мог далеко уйти.

3 апреля Альмасан послал разделенную на две части кавалерию вдогонку мятежникам с востока и запада от железнодорожных путей. Коннице предстояло настичь врага у станции Эстасьон Реформа. Как раз там, где по приказу генерала разобрали пути, и должны были скопиться эшелоны Эскобара. Сам Альмасан с пехотой двигался прямо по путям на север.

⁷⁵ По данным посольства США, повстанцев было всего 6 тысяч. Foreign Relations of the United States (FRUS). Volume III, 1929. P. 423.

⁷⁶ De La Pedraja Toman, R. Wars of Latin America 1899–1941. McFarland and company Inc Publishers, 2006. P. 302.

Западная колонна кавалерии прибыла на Эстасьон Реформа чуть раньше и увидела, как мятежники выгружаются из эшелонов. Была проведена немедленная атака. Ошеломленные повстанцы, тем не менее, около двух часов успешно отбивали натиск. Но тут с другой стороны на них набросилась подошедшая с востока вторая колонна конницы. Началась настоящая резня, и в 14.00 битва завершилась полным разгромом частей Эскобара. Трупов было так много, что их не могли захоронить и просто сжигали в больших кучах. По официальным данным, мятежники потеряли 1136 человек убитыми, 2058 – ранеными и пленными. Спаслись только 200 мятежников во главе с Эскобаром, ускакав на чудом уцелевших лошадях.

Судьба мятежа была решена. Хотя Эскобар с трудом и собрал в Чиуауа около 2000 новых солдат, но с такими силами он не мог противостоять Альмасану, поэтому направился к американской границе.

После битвы при Эстасьон Реформа внушительные силы мятежников оставались только в Соноре. 7 марта наступавшие из этого штата на юг мятежники подошли к порту Масатлан. Но разногласия среди восставших генералов помешали атаке на город. Затем туда подошли правительственные подкрепления с юга из штата Халиско. Именно в Халиско бушевало восстание «кристерос», и если бы эскобаристы договорились с ними о скоординированных действиях, Кальес не смог бы перебросить под Масатлан ни одного солдата. 21 и 23 марта повстанцы атаковали уже опоясанный траншеями Масатлан, но были отогнаны артиллерийским и пулеметным огнем. Со стороны правительственных сил активно действовала канонерская лодка «Прогресо». После неудачной осады сонорская группировка мятежников стала отходить на север и угрозу уже не представляла.

После разгрома Эскобара у Хименеса Кальес во главе 1000 солдат присоединился к Карденасу, и объединенная группировка правительственных сил численностью примерно 8000 человек стала преследовать около 2000 мятежников в Соноре. Когда повстанцы приготовились дать оборонительное сражение, чреватое серьезными потерями для правительственных сил, в полной мере проявила себя полученная из США авиация. Занявшие оборону мятежники были подвергнуты массированным бомбардировкам, что, по сообщению посольства США в Мехико, произвело на них «потрясающий деморализующий эффект»⁷⁷. Когда к позициям противника 25 апреля приблизилась федеральная кавалерия, выяснилось, что мятежники почти полностью рассеялись, а оставшиеся на позициях готовы капитулировать. Как отмечало посольство США, «по-видимому, первый раз за всю историю Мексиканской революции была использована бомбардировка с аэропланов, и во время последних дней мятежа она оказала решающее воздействие»⁷⁸.

Еще в начале апреля, после битвы при Хименесе, стало ясно, что подавление мятежа является вопросом ближайших дней. Среди мятежников участились случаи дезертирства, причем на сторону федералов переходили целые подразделения. 12 апреля два генерала мятежников перешли американскую границу и попросили политическое убежище. 20 апреля в США сбежал один из лидеров мятежа генерал Урбалехо. В последнюю неделю апреля федералы добивали остатки мятежников, прижатых к американской границе. Эскобар перешел в Калифорнию и попытался договориться с губернатором штата Нижняя Калифорния Абелярдо Родригесом, чтобы тот снова пропустил его на мексиканскую территорию. Однако Родригес (тот самый, который еще в январе предупредил власти о готовящемся мятеже), естественно, отказался. Эскобар заявил, что провал восстания произошел по вине США: «У нас было полно денег... но Соединенные Штаты были против нас. Мы неоднократно пытались купить боепри-

⁷⁷ Foreign Relations of the United States (FRUS). Volume III, 1929. P. 424.

⁷⁸ Foreign Relations of the United States (FRUS). Volume III, 1929. P. 424.

пасы за границей (в США – прим. автора), однако нам это не удалось из-за жесткого контроля границы американцами»⁷⁹.

Эскобар был прав, особенно если учесть масштабы военной помощи США мексиканскому правительству. За время восстания США продали Мексике 2500 25-фунтовых осколочных авиабомб, 500 50-фунтовых авиабомб, 200 100-фунтовых авиабомб, 5000 винтовок «энфилд», 48 пулеметов (в том числе авиационных), более 3 миллионов патронов, бомбосбрасывающие механизмы, запчасти, горюче-смазочные материалы и гранаты со слезоточивым газом⁸⁰.

Эскобар переехал в Канаду, где жил, не зная стеснения в материальных средствах (видимо, помогли «реквизиции» в банках)⁸¹. В 1937 году президент Карденас, который в 1929 году отличился при разгроме мятежа, амнистировал всех бывших повстанцев, но Эскобар не вернулся. Он возвратился только в 1942 году, чтобы «предоставить себя в распоряжение нации» в тяжелое время Второй мировой войны.

Так закончилось последнее крупное восстание регулярной армии в истории Мексики. Кальес использовал его на сто процентов: из вооруженных сил были удалены 9 дивизионных и 8 бригадных генералов, а также 51 бригадир⁸²; из Конгресса – 52 депутата и 4 сенатора, которым инкриминировали поддержку мятежников⁸³. Из 227 депутатов Конгресса 221 теперь были членами только что основанной Кальесом НРП.

В четырех ключевых штатах – Соноре, Чиуауа, Дуранго и Сакатекасе – были сменены правительства. Сторонники Обрегона лишились всех своих позиций в государстве. Кальес как победитель мятежников стал самым сильным человеком страны и пользовался куда большим авторитетом, чем временный президент Портес Хиль, который во время мятежа не покидал Мехико.

Мятеж вошел в историю Мексики как «восстание банков и железных дорог» (потому что восставшие генералы грабили банки, а потом сбежали по железной дороге). Он обошелся стране в 2000 убитых и 13,8 миллиона песо ущерба⁸⁴, которые, как с гордостью вспоминал Портес Хиль, удалось погасить из бюджета, не прибегая к чрезвычайным мерам вроде экстренных налогов.

В США прекрасно понимали, что восстание только сыграло на руку Кальесу. Не случайно статья в американском журнале «Тайм» от 13 мая 1929 года называлась «Выгодный мятеж». В статье цитировались слова Портеса Хиля: «Восстание, которое мы – или, скорее, генерал Кальес – только что подавили, окажется, я уверен, очень благоприятным для страны». Теперь сила противников Кальеса в армии и государстве была сломлена⁸⁵.

Мятеж поставил крест на одном из кандидатов в президенты. В конце 1928 года в Мексику вернулся мексиканский посол в Великобритании Гильберто Валенсуэла, которого сразу стали рассматривать как возможного наследника Обрегона. Немаловажным был тот факт, что Валенсуэла родился в 1892 году в Соноре, родном штате Обрегона. Он получил степень адвоката, служил директором школы. С 1910 года активно участвовал в борьбе против диктатуры Диаса, то есть был «старым революционером». В то время когда Обрегон был министром обо-

⁷⁹ Ragsdale K. B. *Wings over the Mexican Border*. University of Texas Press, 1997. P. 56.

⁸⁰ *Foreign Relations of the United States (FRUS)*. Volume III, 1929. P. 428–429.

⁸¹ Кальес утверждал, что Эскобар взял с собой полмиллиона долларов.

⁸² Средний чин между полковником и бригадным генералом. См. Tobler H. W. *Die mexikanische Revolution*. Frankfurt am Main, 1984. S. 409.

⁸³ Советский полпред Макар отмечал, что как «контрреволюционер» был удален из Конгресса единственный коммунистический депутат Лаборде. Архив внешней политики (АВП) МИД РФ, ф. 04, оп. 28, п. 192, д. 227, л. 4–5.

⁸⁴ Как писал американский журнал «Тайм», это гораздо меньше, «чем американские домохозяйки тратят каждый сезон на красные спелые мексиканские помидоры». *Time*, 13.05.1929.

⁸⁵ *Time*, 13.05.1929.

роны, Валенсуэла занимал пост главного военного прокурора. После прихода к власти в 1920 году Обрегон сделал Валенсуэлу министром внутренних дел, то есть фактически главой кабинета. В 1924 году Валенсуэла был направлен послом в Бельгию. В 1925–1928 годах, во время президентства Кальеса, он снова стал министром внутренних дел, а затем послом в Англии.

Понимая популярность Валенсуэлы как твердого и хорошо известного всей стране обрегониста, Портес Хиль предложил ему в конце 1928 года пост судьи Верховного суда. Тот, кто его занимал, по законодательству автоматически лишался права баллотироваться в президенты. Валенсуэла попросил на раздумье три дня, посоветовался за это время с генералами-обрегонистами и предложение любезно отклонил⁸⁶. Когда разразился военный мятеж, Валенсуэла поддержал его и тем самым оказался вне закона. Подавление мятежа поставило крест на его президентских амбициях. Валенсуэла отправился в эмиграцию в Аризону, где и жил до 1935 года, пока его не помиловал президент Карденас.

Однако главной жертвой мятежа Эскобара стал Саенс. 1 марта 1929 года открылся учредительный съезд НРП в Керетаро. Саенс прибыл на съезд уже как официальный кандидат в президенты от аграристской партии, которая должна была войти в НРП.

По сути, Кальесу удалось руками Саенса разрушить ненавистную ему Национальную аграристскую партию. В конце 1928 года аграристы во главе с непримиримыми противниками Кальеса Сото-и-Гамой и Манрике образовали Конфедерацию обрегонистских партий республики как противовес НРП. Однако Саенс, уверенный, что НРП без проблем одобрит именно его кандидатуру, организовал раскол аграристской партии, и 17 января 1929 года Манрике и Сото-и-Гама были исключены из партии вместе со своими сторонниками. Оставшиеся вместе с Саенсом аграристы вошли в НРП. Манрике решил поддержать Валенсуэлу, что и закрепило после подавления военного мятежа окончательный распад партии.

После декабрьского кризиса 1928 года фактически раскололась и Лабористская партия. Некоторые ее организации в штатах (имевшие по американскому образцу статус самостоятельных партий), например в Халиско, Сан-Луис-Потоси и Пуэбле, присоединились к НРП⁸⁷.

Против образования НРП резко выступили мексиканские коммунисты. Они охарактеризовали новую партию как силу «национальной буржуазии», которая хочет объединить под своим руководством массы рабочих и крестьян, лишив их собственных организаций. В этом смысле коммунисты, собственно, предельно точно разгадали замысел Кальеса, которого, как мы помним, еще с 1927 года, когда тот под давлением Морроу фактически отменил прогрессивный «нефтяной закон», считали реакционером и наймитом Уолл-Стрит.

Итак, Саенс ехал на съезд в Керетаро, уверенный в своей победе. Он, как и большинство политической элиты Мексики, полагал, что Кальес одобряет его кандидатуру. Сам Кальес, предполагалось, станет президентом НРП, то есть фактически возглавит «революционную семью».

По мнению влиятельной газеты «Эксельсиор», в день открытия съезда НРП кандидатуру Саенса поддерживали делегации штатов Халиско, Синалоа, Табаско, Колима, Нуэво-Леон, Найрит, Морелос, Герреро, Нижняя Калифорния, Тласкала, Юкатан, Кампече, Агуаскальентес, Коауила, Чьяпас, Идальго, столичного федерального округа, и частично – делегации некоторых других штатов.

Однако для многих делегатов кандидатура Саенса была неприемлемой, так как он являлся протестантом (а значит, по расхожему мнению, агентом США) и консерватором. К тому же делегатов на съезд фактически отбирали губернаторы штатов, большинство которых были на стороне Кальеса. Тем не менее к началу съезда 21 из 31 региональных делегаций

⁸⁶ Portes Gil E. Autobiografía de la Revolución Mexicana // www.antorcha.net/.../autobiografia/bibliografia.html

⁸⁷ Garrido L. J. El partido de la revolución institucionalizada. La formación el Nuevo estado en México (1928–1945). México, 1982. P. 84.

высказалась в пользу Саенса, поскольку многие думали, что так же считает и Кальес⁸⁸. За Ортиса Рубио, по оценкам прессы, были 6 делегаций. Портес Хиль рекомендовал делегатам своего штата Тамаулипас предварительно не высказываться в пользу того или иного кандидата⁸⁹.

Однако сам Кальес в конце февраля уже твердо встал на сторону Ортиса Рубио, и оргкомитет неожиданно заявил, что будет допускать на съезд только те партии, которые зарегистрированы в соответствии с законом. Под этим предлогом оргкомитет старался не допустить к участию в съезде независимые рабочие и крестьянские организации, и большинство делегатов оказались профессиональными военными и политиками, абсолютно лояльными Кальесу.

Неудивительно, что в день открытия съезда несколько региональных организаций (в том числе и из Тамаулипаса) заявили, что поддерживают уже не Саенса, а Ортиса Рубио.

3 марта Саенс сделал заявление для прессы, в котором обвинил председателя оргкомитета съезда Тревиньо в том, что тем делегатам, которые стоят за него, отказывают в признании полномочий⁹⁰. К тому же, по мнению, Саенса, на всех делегатов съезда оказывалось серьезное давление, чтобы заставить их голосовать за Ортиса Рубио. Саенс пригрозил, что уйдет со съезда, который превратился в «фарс».

Тревиньо все обвинения в свой адрес отверг. Съезд оказался на грани срыва. Но 4 марта, как нельзя более кстати, пришло известие о начале мятежа генералов-обрегонистов. Практически все они были друзьями Саенса. На съезде стали открыто называть Саенса предателем, и он, похоже, всерьез опасался за свою жизнь: некоторые делегаты были вооружены. Кальес позвонил из Мехико Тревиньо и рекомендовал ему срочно свернуть съезд, выбрав перед этим кандидата в президенты. Обсуждение же программных документов фактически не состоялось. Председателем руководства партии (комитета из 7 членов) быстро избрали Тревиньо, который был правой рукой Кальеса в стране.

⁸⁸ Garrido L. J. El partido de la revolucion institucionalizada. La formacion el Nuevo estado en Mexico (1928-1945). Mexico, 1982. P. 88.

⁸⁹ Однако основанная им Приграничная социалистическая партия высказалась в пользу Саенса.

⁹⁰ Из 1434 прибывших региональных делегатов оргкомитет признал только 873. На второй день работы съезда, когда он уже был прочно в руках кальистов, были допущены еще 109 делегатов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.